

ОХРАНА ДИКОЙ ПРИРОДЫ

№2(32)/2005

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРА ОХРАНЫ ДИКОЙ ПРИРОДЫ

ИЗДАНИЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАНО В МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ (СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ ПИ №77-
1272 от 30.11.1999 г.).

Редактор
И. Травина

Распространяется бесплатно
по предварительной заявке (укажите
точный адрес)

Общественная редколлегия:

*А. Зименко
М. Кулешова
К. Роговин
А. Сирин
Г. Титова
Е. Шварц*

Журнал включен в Реферативный
журнал и Базы данных ВИНТИ.
Сведения о журнале ежегодно
публикуются в международной
справочной системе по
периодическим изданиям «Ulrich's
Periodicals Directory»

Адрес ЦОДП:
117312, Москва,
ул. Вавилова, д. 41, офис 2.
E-mail: izdat@biodiversity.ru

Макет:
*К. Остольский
А. Назарова*

Мнение редакции может
не совпадать с мнением авторов

Верстка
М. Скороходовой

Выпускается при поддержке фонда
Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров

Корректор
А. Киселева

На 1 стр. обложки:
рисунок И. Филус

© Центр охраны дикой природы, 2004

<http://www.biodiversity.ru>

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

В наши дни практически на каждом представительном совещании, посвященном объектам животного или растительного мира, рассматриваются проблемы их сохранения и использования. Но 3—4 июня этого года в г. Королеве (Московская обл.) состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Хищническая эксплуатация диких животных России: проблемы и решения», полностью посвященная именно этим вопросам. Десятки докладов и кратких сообщений, прозвучавших в эти дни, свидетельствуют о том, что разнообразие и обилие диких животных в России катастрофически сокращаются. Помимо «традиционно» редких видов, таких, например, как амурский тигр или дальневосточный леопард, за последние 10—15 лет на грани исчезновения оказались сайгак, серый кит, балобан, практически все виды осетровых рыб, резко сократилась численность или истощены запасы лососевых и ряда видов морских промысловых рыб, кабарги, белого медведя, выхухоли... Причины этого — не только в загрязнении окружающей среды и деградации природных ландшафтов, сколько в масштабном браконьерстве во всех возможных его формах: от нелегального промысла и перепромысла с сопутствующей им нелегальной торговлей, до браконьерства отдельных государственных и политических деятелей. И происходит это не на легендарном «Диком западе», и не в далекой африканской развивающейся стране, а здесь и сейчас — у нас в России, где даже более ста лет назад проблемы сохранения многих видов животных признавались властью в качестве важных государственных задач.

Участники конференции пришли к неутешительному выводу, что невиданный ранее разгул браконьерства происходит с ведома и при полном попустительстве или равнодушии властей, ситуация тем временем продолжает усугубляться.

Ирина Травина

ИНТРОДУКЦИЯ — СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

А. В. Виноградов, канд. биол. наук,
Самарский государственный педагогический университет

Сильное впечатление может оказать на обывателя встреча с необычным существом. В 1983 г. по улице города Самары (тогда Куйбышева) шествовал варан — гигантская среднеазиатская ящерица. Он мог попасть на территорию области только с помощью человека, от которого, видимо, и сбежал. Чучело этого варана ныне находится в Самарском областном краеведческом музее. А ведь интересно! Почему бы и не ввозить? А если выпустить в природу?

Напомним, что по современным экологическим взглядам интродукция (ранее — акклиматизация) — это переселение видов, а также подвидов и популяций организмов за пределы их ареалов (области распространения), проводимое человеком преднамеренно или произошедшее случайно. Не следует путать биологический, экологический термин «акклиматизация» с термином «акклимация», обычно употребляющимся в физиологии и медицине и означающим приспособление организма к новым или изменившимся условиям существования. Есть и другие схожие понятия: так называемая «интродукция из моря» в конвенции СИТЕС обозначает ввоз в государство образцов любого вида, добытых в морской среде, не находящейся под юрисдикцией какого-либо государства; реинтродукция (реакклиматизация) — это вселение в природные сообщества видов и форм, обитавших здесь ранее, но к настоящему времени исчезнувших. Современная экология считает, что реинтродукция (но только при условии ее грамотного и осторожного проведения!) способствует сохранению природы, в то время как интродукция обычно нарушает экологическое равновесие и структуру природных сообществ, ведет к

временному или постоянному вытеснению местных видов и форм. Ю. Одум писал: «Он (человек) постоянно экспериментирует с интродукциями, несмотря на то, что многие из них оказываются безуспешными... Так как виды, интродуцируемые в новую среду, часто либо совсем не приживаются, либо так преуспевают, что становятся вредителями (например, кролики в Австралии), интродукцию всегда следует рассматривать как крайнюю меру. В общем, если в данном районе существуют подходящие местные виды, то лучше сосредоточить усилия на них, а не пытаться заменить их новыми».

Масштабы интродукции огромны. Например, более 2,5 тыс. видов насекомых занесено людьми в Северную Америку с других материков (преимущественно непреднамеренно — с багажом, товарами, на одежде, с саженцами). Но к настоящему времени в мире накопилось множество масштабных и очень горьких примеров разрушения сообществ и исчезновения эндемичных видов в результате преднамеренной интродукции. В Австралии интродуцированная в целях борьбы с малярией рыбка гамбузия способствовала уничтожению нескольких местных видов рыб, а на Гавайях — стрекозы *Melalagrion*

pacificum. В Новой Зеландии вселение благородного оленя привело к уничтожению подлеска, а следовательно, и живущего там нелетающего совиного попугая какапо (ныне очень редкого). На Гавайях вселение зайца *Lepus capensis* привело к вымиранию нескольких видов бабочек из семейства совок (*Noctuidae*). При интродукции некоторых видов рыб в водоемы Капской провинции произошла поглотительная гибридизация между близкими видами, в результате чего несколько местных эндемичных видов рыб исчезли. На территории бывшего Советского Союза можно упомянуть отрицательное влияние ондатры на популяции раков, американской норки — на европейскую норку, многих водоплавающих птиц и даже выдру, канадского бобра — на европейского бобра. Неудавшаяся попытка интродукции в Арале каспийской севрюги привела к непреднамеренному заносу жаберного сосальщика (*Nitzschia sturionis*), который привел к массовой гибели эндемичного аральского шипа (*Acipenser nudiiventris*). И так далее. В целом же среди причин вымирания позвоночных животных влияние вселенных видов стоит на первом месте по числу уже уничтоженных видов и на третьем — по числу видов, поставлен-

ных на грань уничтожения. Поэтому экологически грамотные специалисты считают допустимой интродукцию только в искусственные сообщества (ботанический сад, газон, город, поле, огород, сад и т. д.), а интродукцию в естественные сообщества и особенно в уникальные природные комплексы (на территории бывшего СССР это Байкал, Каспий, Арал, Самарская Лука, Баунтовские озера на севере Бурятии в Забайкалье, соленые озера Ширы и Учум на юге Средней Сибири и др.), а также на особо охраняемые территории можно с полным основанием назвать мероприятием антиэкологическим, граничащим с преступлением.

Истоки представлений об интродукции в России восходят к довольно ранним временам — по крайней мере к концу XIX в. Вот строки из дневника Николая II, посетившего знаменитый и весьма своеобразный частный заповедник Аскания-Нова на Украине в 1914 г.: «Ехал отлично проселочной дорогой чрез Армянск и Перекоп и в 4 ч. прибыл в имение Фальцфайна Аскания-Нова... Выпив чаю в саду, пошел с ним в сад к пруду, где живет масса птиц всевозможных стран света. Затем прошли в его зверинец с крупными животными, живущими вместе. Обойдя большое озеро, нарочно устроенное в виде болота, и очень красивый тенистый парк, сел с владельцем в автомобиль и поехал в степь. объехали много стад племенного скота, табунов лошадей — и между теми и другими видел зубров и бизонов, а также зебров. Голова ходила кругом от стольких впечатлений и поразительного разнообразия животных!» С этого начиналось.

В Советской России акклиматизация хорошо вписалась в план преобразования природы, став логичным и необходимым элементом сталинского (в целом — коммунистического) насилия над природой и обществом. Это и изменения фауны рек СССР в связи со строительством гидротехнических сооружений, и собственно интродукция, и поднятая целина (на фоне коллек-

тивизации, раскулачивания, индустриализации и развития ГУЛАГа). На псевдоподъеме 1930-х годов советская литература с особой силой восхваляла всевозможные новации, реконструкции и преобразования, внося тем самым немалую лепту в формирование массового антиэкологического мировоззрения: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача», «Течет вода Кубань-реки, куда велят большевики», «Природу научим — свободу получим» и т. д.

Началось крупномасштабное вселение чужеродных видов флоры и фауны в естественные сообщества даже на территориях заповедников. Эти действия по ломке естественных природных сообществ получили резкую критику со стороны крупных специалистов, и эта дискуссия повлекла за собой другую — о неприкосновенности природы в заповедниках. Надо отметить, что эти академические споры были далеко не безобидны: природе грозило реальное разрушение, а ее защитникам — различные репрессии. Вспомним, что еще на съезде по борьбе с засухой в 1931 г. А. Ф. Вангейгейм предупреждал, что планируемые посадки лесополос с целью уменьшения силы ветра во время суховея должны проводиться с учетом весьма сложного комплекса всех явлений, сопровождающих это насаждение. Но до сих пор с помощью лесопосадок борются со ставшими уже немногочисленными естественными степными сообществами, усугубляя это масштабной интродукцией чужеродных растений в состав лесополос. Юным натуралистам (мичуринцам) и школьным лесничествам даже предписывалось высаживать многочисленные интродуценты в лесах и лесополосах — это считалось (да и сейчас порой считается) полезным делом.

К началу 1932 г. был заключен роковой союз: началась долгая совместная деятельность И. И. Презента и Т. Д. Лысенко. На Первом всесоюзном съезде по охране природы в 1933 г. была сделана попытка

ка объявить генеральный план реконструкции фауны, то есть развития акклиматизации в стране. Автором этого плана был Б. К. Фортунатов.

Планы грандиозной перделки природы, смешения северных и южных, западных и восточных рек между собой и с морями, на фоне которых интродукция в естественные сообщества была такой незаметной мелочью, что и думать об этом не стоило, вынашивались до самого последнего времени, и, боюсь, они до сих пор сидят у кого-то в узлобых головах и переносятся в проекты.

В учебнике по гидробиологии для средних учебных заведений Министерства рыбного хозяйства СССР, вышедшем в 1973 г., говорилось: «Акклиматизация — один из очень эффективных методов повышения промысловой продуктивности водоемов и создания в них устойчивой кормовой базы... В результате широкого расселения акклиматизируемых организмов фауна южных водохранилищ все более превращается в фауну каспийского реликтового типа». Как будто водоемы — это безликие емкости с водой, а реки — водопроводные трубы с некоей аморфной безликой кормовой базой, которую можно брать в одном месте и переносить куда угодно, как будто нет аборигенных, более того — уникальных водных природных сообществ с редкими видами и формами или, наоборот, видами-захватчиками. Южные водохранилища, то есть отрезки южных рек, превращаются в заливы Каспия, при этом аборигенная речная фауна уничтожается, отнюдь не превращаясь ни в реликтовую фауну, ни в фауну Каспия. Ну разве не замечательно?

Период с 1948 по 1953 г. признается наиболее мрачным в истории советской биологии, экологии и охраны природы. С 1951 г. (памятный год разгрома заповедной системы) гидробиологические исследования в Куйбышевской (ныне Самарской) области вынужденно получают новое, прикладное направление в связи с начавшимся

строительством гидроэлектростанции. Заранее предполагались существенные изменения в гидробиологии Волги, в частности ее фауны, строились сверхоптимистические прогнозы по повышению продуктивности «полезных» видов гидробионтов. Разумеется, ломка естественных биоценозов не могла сказаться положительно на гидробиологии Волги, и эти прогнозы впоследствии не сбылись. Правда, идея реконструкции Волги, как известно, исходила не от гидробиологов и ихтиологов, и они были вынуждены заниматься решением именно тех задач, которые им навязывались, но занимались с большим рвением, чутко улавливая малейшее поветрие со стороны руководящих партийных (часто невежественных) органов. Вот несколько характерных цитат из решений научных съездов и конференций тех лет: «К числу важнейших научных и практических проблем комплексного использования и охраны водных ресурсов относятся: ... в) пополнение водных ресурсов Волги и Камы за счет северных рек и озер; г) изучение вопроса о влиянии планируемого изъятия волжской воды для пополнения водных ресурсов Дона и Урала на режим низовьев Волги и Северного Каспия... Рассмотрим вопрос о возможности и целесообразности акклиматизации ценных видов рыб — потребителей планктона и дрейссены» (Решение 1-й конференции по изучению водоемов бассейна Волги, 1969 г.); «Следует усилить использование фундаментальных исследований по аутоэкологии водных беспозвоночных, эколого-физиологические исследования объектов акклиматизации (мизид, пресноводной креветки, сигнального рака и др.), значительно обогащающих ресурсы внутренних водоемов СССР... Деятельность Всесоюзного гидробиологического общества в 12-й пятилетке будет осуществляться в соответствии с задачами, поставленными XXVII съездом КПСС» (Решение 5-го съезда ВГБО, 1986 г.).

Каспий с его уникальной реликтовой и эндемичной биотой, сравнимый разве что с Байкалом, африканским озером Танганьика или даже с Австралией, под руководством академика, профессора МГУ Л. А. Зенкевича сделали полигоном для отработки интродукционных технологий. Теоретические труды об акклиматизации изобиловали традиционными, отштампованными еще при Т. Д. Лысенко пассажирами из марксистско-ленинской философии и фразами вроде «противостояние природы и человеческой цивилизации, которая вынуждена радикально переделывать первую». Появилась сводка, где неумолимая творческая мысль акклиматизаторов дошла до требования признать получающиеся при смешивании флор и фаун гибриды новыми рукотворными видами, имеющими право на существование и даже охрану (и в наши дни интродуценты иногда предлагаются для включения в местные Красные книги).

Широкой общественности, в том числе и научной, полезно было бы ознакомиться с некоторыми планами преобразователей по Самарскому региону. В статье В. В. Лебедева, которая так и называется «Перспективы улучшения и преобразования природы засушливых районов Поволжья», читаем: «Преобразование Волги (то есть ее регулирование — А. В.) явилось основой и для преобразования окружающей природы: огромные запасы воды и дешевая электроэнергия создали возможность для широкого развития орошения Заволжских степей... В заключение — взглянем в будущее и постараемся представить себе, как будет выглядеть преобразованная природа районов Заволжья через какое-то число новых пятилеток. На территории широкой степи появятся искусственные реки — каналы со своими ответвлениями и водохранилища, полноводными станут малые реки и речушки, многие лощины и балки превратятся в большие пруды. Повсюду будут зеленеть защитные

ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО

лесные полосы, расположенные там, где они больше всего нужны для защиты полей, берегов рек и водоемов. На месте песков и оврагов вырастут участки сосновых и дубовых лесов. Созданные поселки будут утопать в зелени садов. Таким образом, когда-то безлесная степь превратится в новую, богатую водными источниками лесостепь, созданную руками трудолюбивых людей. Между каналами и лесными полосами будут расположены орошаемые поля, дающие устойчивые и высокие урожаи сельскохозяйственных культур, полив и выращивание которых будут проводиться с применением высокопроизводительной техники, и возникнут поселки с благоустроенными домами, школами, больницами и дорогами. Под воздействием водораспределительных систем, орошаемых полей и созданных лесонасаждений изменятся и климатические условия засушливых степей; навсегда потеряют свое значение засухи и суховеи. На месте однообразной степи будет создан новый жизнерадостный и живописный ландшафт». Немного добавлю: имеются в виду протянувшиеся на сотни километров каналы и оросительно-обводнительные системы, забирающие воду из Волги и соединенные, то есть смешивающиеся, с рекой Урал.

Итак, вышеупомянутый автор предложил утопию вполне в духе традиционных советских утопий (сделать сказку былью). Вопросы все-таки возникают. А какое место отводится природе? Нормальной местной, аборигенной, степной природе, которая находится на своем месте в своей природной зоне (кстати, вся Самарская область в целом находится в зоне, или подзоне, лесостепи)? Или всю естественную («дикую») природу отдадим на заклятие сельскому хозяйству? Написанная очередным утопистом-технократом картина больше всего похожа на нынешний Безенчукский район Самарской области. Несколько лет назад мы изучали естественные природные сообщества Низкого Заволжья, искали со-

хранившиеся природные участки, предлагали их к охране. В указанном районе трудно было что-либо найти — унылое зрелище! Даже на ночевку остановиться негде — одни поля. Кто дал право менять естественный ландшафт, уничтожать остатки евразийской степи? И для чего? Для «нового жизнерадостного и живописного ландшафта»? Так это понятие субъективное. И нужно очень не любить и не понимать родную степь, чтобы видеть ее «однообразной». Это наши-то самарские тюльпанные, ковыльные и разнотравные степи с сурками, степными орлами и степными журавлями-красавками, дрофами и стрепетами, жаворонками, грандиозными балками, богатейшим миром насекомых и местонахождениями шикарных ископаемых остатков беспозвоночных юрских морей — целым неизученным еще миром живой природы!

В наше время растет индустрия туризма, приносящая все больший доход. Развивается экологический и научный туризм. В целом наиболее богатыми начинают считать те страны, которые сохранили свою природу, свои аборигенные природные комплексы и оригинальные виды организмов. Вряд ли зарубежному или отечественному туристу будет интересно наблюдать «жизнерадостный» пейзаж из полей и лесополос, им будет интересна именно самарская аборигенная степь, желательно нетронутая.

По Волго-Уральскому междуречью протекает очень своеобразная по природным сообществам, флоре и фауне река Самара, предложенная нами в качестве международной охраняемой территории (ветланда) как самый интересный водно-болотный участок Самарской области, имеющий к тому же важное рекреационное значение. Ему может прийти конец.

Если раньше была дискуссия о неприкосновенности природы в заповедниках, то теперь она переходит в новую фазу: сколько места желает оставить человек природе на его собственной планете? Хочет ли отметить двойной стандарт

отношения к интродукции в нашей отечественной культуре. Во многих серьезных научно-фантастических романах космонавты с Земли, во-первых, стараются максимально обеспечить карантинные мероприятия, чтобы никто, даже микроб, не смог попасть в биосферу иной планеты, так как он может нанести ей непоправимый урон. Во-вторых, космонавты опасаются того же со стороны биосферы чужой планеты. В-третьих, принимают экстраординарные меры по предотвращению аналогичного заражения нашей планеты при проникновении чего-либо инопланетного: какого-нибудь внеземного корабля, автоматического зонда и т. п. То есть налицо полное понимание проблемы интродукции. Но почему-то, когда дело доходит до практики, про это забывают. Как будто бы интеллект и культура находятся у нас в одном месте, а силы невежественные, но реальные, властные — в другом!

Зная о масштабе былых и настоящих интродукционных работ в нашей стране, приходится только удивляться и восхищаться возможностями природы к сопротивлению. Она еще жива, она еще существует! Интродукторы упрямо говорят «водохранилища», а мы, те, кто любит и охраняет естественную природу, говорим: «Нет, пока еще — Волга, и руки прочь от нее!» И силы природы дают нам надежду.

После 30 лет изучения проблемы интродукции в теоретическом и практическом плане, работы гидробиологом, государственным инспектором рыбоохраны, а также общественным инспектором охраны природы, охотнадзора и лесной охраны, внештатным журналистом, преподавателем зоологии и экологии, музейным сотрудником, биологом и экологом в Среднем Поволжье, Якутии, Забайкалье, на Байкале, Красноярском крае, Хакасии я могу сделать главные выводы.

Интродукция в естественные природные сообщества как в нашей стране, так и за рубежом — теоре-

тическое и практическое научное заблуждение последнего столетия, и понимание этого стало возможным в результате развития экологии и охраны природы как науки. Интродукция, как преднамеренная, так и непреднамеренная, опасна для природных сообществ и отдельных видов организмов, для экономики отдельных регионов, всей страны и мира в целом, нарушает нормы экологической этики и потому аморальна. Происходящее в результате интродукции перемещение фаун и флор ведет к повышению их однородности, в то время как сохранение биологического разнообразия, признанное глобальной экологической проблемой, требует сохранения генетического разнообразия, аборигенных комплексов флор и фаун. Учитывая это, так называемые «биологические обоснования» интродукции в естественные природные сообщества необходимо признать экологически безграмотными и недействительными, а интродукция в искусственные природные сообщества должна быть регламентирована.

Интродукционные работы в России (и шире — на территории бывшего Советского Союза) следует признать государственным **экологическим преступлением**, сравнимым с такими экологически безграмотными мероприятиями, как поднятие целины (уничтожение природы евразийской, в том числе российской степной зоны), гидростроительство на равнинных реках (уничтожение наиболее ценных рыбных запасов и биоты рек в целом). Возможно, надо продумать нормы личной — административной, дисциплинарной и уголовной — ответственности с лишением наград, ученых и почетных званий, должностей и персональных пенсий за умышленную деятельность по интродукции в естественные природные сообщества, а также за допущенную непреднамеренную интродукцию в естественные природные сообщества.

Определенная корректировка экологического законодательства в отношении интродукции на уровне

Российской Федерации проведена (и это положительный фактор), но еще недостаточно и требует дальнейшего развития (например, в Правилах рыболовства). Необходимо повышение роли и ответственности карантинных служб и расширение диапазона их деятельности от сельскохозяйственного и медицинского направлений до экологического — для защиты дикой природы, окружающей природной среды, естественных природных сообществ стран и регионов.

Для предотвращения манипулирования понятиями «искусственное сообщество» и «естественное сообщество» в целях интродукционных работ в них необходимо продумать и утвердить категории природных сообществ. Например, волжские и многие другие водохранилища (например, Саратовское) фактически представляют собой естественные, хотя и искаженные, сообщества, но формально они называются искусственными. Необходимы меры по их восстановлению, которые должны иметь приоритетное значение.

Можно привести и другие аналогичные примеры: охотничьи, рыбные, лесные хозяйства. Назовем их «большие» и «малые». Под «большими» понимают вообще все природные угодья, водоемы, леса,

как будто все это — хозяйство и нет естественной природы! Здесь необходимо внести ясность: природе — природная среда, человеку — хозяйство. «Малые» хозяйства — это конкретные угодья ограниченного размера, водоемы, леса, но только те, где человек действительно, а не формально, планомерно и постоянно ведет соответствующее хозяйство: создает их практически с нуля, огораживает и благоустраивает территорию, вкладывает усилия и средства. Иначе получается, что обычный лес, где на первом дереве прибивается табличка «Хозяйство» и где фактически никакой хозяйственной деятельности нет, формально причисляется к хозяйствам, хотя таковым не является. А в городах и других населенных пунктах следует различать парки, созданные из искусственных насаждений, и парки, созданные на основе лесных участков.

Рецидивы интродукционной идеологии, до сих пор встречающиеся в отечественной науке и практике, иногда агрессивны и могут переходить в наступление при снижении образовательного, мо-

ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО

рального и культурного уровня специалистов и населения в целом, поэтому необходимы внятная государственная экологическая политика, активная позиция научных центров, прежде всего Российской академии наук и Российской экологической академии, соответствующая пропаганда, активная разъяснительная и просветительская работа.

Настала пора подвести итоги интродукционной деятельности на обширной территории России и сопредельных территорий за последнее столетие, назвать масштабы вреда, частичные и полные потери с целью недопущения подобного сегодня и в будущем.

Рисунок И. Филус

МОРАТОРИЙ НА ВЕСЕННЮЮ ОХОТУ — СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА БОРЬБЫ ЗА ОБЩЕСТВЕННОСТЬ И СМИ

А. П. Яновский, канд. биол. наук,
Институт систематики и экологии животных Сибирского отделения РАН

Известно, что почти во всех странах Европы, а теперь и в Украине весенняя охота законодательно запрещена. В большинстве же регионов России отстрел дичи в сезон прилета и начала гнездования птиц допускается согласно Инструкции охотдепартамента Минсельхоза РФ на период не более 10 дней с возможностью разбивки на 2 срока в областях, вытянутых с юга на север. В последние годы по всей стране расширяются и усиливаются общественные настроения в поддержку моратория на весеннюю охоту, и происходит это во многом благодаря активной жизненной позиции специалистов-орнитологов и экологов, развернувших на страницах газет, на радио и телевидении мощную кампанию против весенней охоты.

По данным анкетирования 2,5 тыс. членов охотничьих обществ Новосибирской области (НСО) в начале 2004 г., более 38 % опрошенных сказали «нет» весенней охоте. Анкетирование было не анонимным и проведено функционерами облохотобщества и другими лицами, заинтересованными в разрешении на стрельбу по птицам весной. Но на самом деле среди рядовых охотников противников весенней охоты — большинство. Весной в угодья с оружием выезжают около 9 тыс. новосибирцев, а это всего 15 % от общего числа охотников, основное число которых по сути «голосят ногами» против неразумной практики.

Основное отличие влияния на птичье население весенней охоты от осенней заключается в том, что истребляется репродуктивное ядро популяции, а фактор беспокойства ружейной стрельбой препятствует воспроизводству как охотничьих, так и всех прочих видов. С середины 1960-х годов до 1987 г. в НСО охоту весной не разрешали, с 1987 по 2000 г. открывали в самом начале сезона прилета и гнездования, чтобы минимизировать ущерб для природы. Однако с годами появилась тенденция к увеличению сроков охоты и числа видов, разрешенных к отстрелу. Никаких экологических экспертиз перед подписанием губернаторского распоряжения об открытии охоты не проводилось (и не проводится поныне). Разрешения о допустимых количествах дичи принимаются по соображениям, далеким от научно обоснованных. Любой эколог знает, что в период гнездования птиц их нельзя ни изымать из природы, ни беспокоить. В межведомственной комиссии по охране и использованию дичи и в настоя-

щее время преобладают лоббисты охоты, что и вынудило орнитологов «идти в народ». Перед открытием сезона весенней охоты в 2000 г. по коммерческим телеканалам и областному радио прошли сюжеты в защиту птиц, а на первых полосах областных и городских газет были напечатаны статьи с броскими заголовками («Весенняя охота или разбой в угодьях?», «Три дня, которые потрясут птичий мир»), получившие большой резонанс.

В 2001 г. к обращению орнитологов к губернатору с рекомендацией не разрешать весеннюю охоту в администрации НСО отнеслись с должным вниманием, и межведомственная комиссия вынуждена была рекомендовать ограничить стрельбу по срокам и районам. В 20 из 30 районов весенняя охота была запрещена, а в остальных охотничий сезон был сокращен до трех дней, причем по гусям стрелять было нельзя.

В 2002 г. бдительность орнитологов и других сторонников моратория на весеннюю охоту была «усыплена» обещаниями чиновников договориться о запрете на стрельбу весной в угодьях на всем юге Западной Сибири. Но вместо этого были изданы распоряжения, расширяющие практику отстрела птиц в сезон их прилета и гнездования во всех регионах, включая НСО. Особенно «отличилась» в этом отношении Томская область. Обращения и протесты прозвучали и были напечатаны, увы, вслед принятым и уже реализованным решениям. Орнитологам оставалось только взывать к охотникам газетными статьями под заголовками вроде «Не стреляйте по птицам весной». В газете «Сибирская охота», как бы в противовес, была напечатана статья известного энтомолога и заядлого охотника под назва-

нием «Охота на вальдшнепа», в которой приводились рекомендации по добыче в сезон гнездования этих интересных и малочисленных в Сибири птиц. В качестве «изюминки» были приведены сомнительные сведения о способности самочек в лапках переносить пуховичков с болотца на болотце. В конце статьи — вирши, воспевающие весеннюю охоту. Порой в апреле в связи с открытием охоты на «селезней» в Подмоскowie с подобными же виршами выступает по Центральному радио и председатель Росохотрыболовсоюза доктор биол. наук А. А. Улитин.

В 2003 г. все пришлось начинать сначала. Оппоненты орнитологов перешли в контрнаступление, воспользовавшись присутствием тогда на новосибирском телевидении проохотничьего лобби. Газеты и областное радио по-прежнему помогали орнитологам, точнее, птицам. Заголовки статей в областной и городской газетах снова были вынесены на первые полосы: «Весна — не время для стрельбы», «В каждого гуся целятся два с половиной охотника». В газете «Аргументы и факты на Оби» были помещены материалы «за» и «против» разрешения на весеннюю охоту, причем перевес был явно в пользу защитников птиц. По телевидению и радио проходили антиохотничьи сюжеты, но уже после сообщений об открытии сезона, когда повлиять на принятие решения было невозможно. Именно в 2003 г. удалось убедить руководителей телеканалов в том, что ресурсы дичи — всенародное достояние и охотники и охотобшества — отнюдь не главные и не единственные заинтересованные лица в их использовании. Редакторы СМИ сейчас охотно предоставляют время и место для агитации как «за», так и «против». Ситуация остается напряженной и конфликтной. Положение усугубляется еще и недобросовестностью отдельных экспертов, руководствующихся принципом «кто платит, тот и заказывает музыку». В охотничьем бизнесе и хобби завязаны интересы многих влиятельных лиц, групп и кланов, там «крутятся» большие деньги. Достаточно сказать, что многие известные природоохранные организации практически не выступают против охоты даже в ее современном, крайне неприглядном виде, поскольку их деятельность зачастую спонсируется производителями и торговцами оружием, патронами, снаряжением, путевками и лицензиями. Офисы областного охотобшества и общества охраны природы (ВООП) в Новосибирске расположены недалеко друг от друга. При этом функционеры охотобшества с недавних пор располагаются в роскошном Доме охотника, наверняка большей частью сдаваемого в аренду за немалые суммы, а активисты ВООП по-прежнему ютятся в деревянном бараке, где они находятся, скорее всего, «на птичьих правах». Таковы теперь приоритеты...

В прежние времена чиновники с большим пониманием относились к рекомендациям научных учреждений. На межведомственную комиссию по учету, охране и рациональному использованию ресурсов дичи в 70-е

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

и 80-е годы обычно отправлялся работник НИИ в должности младшего научного сотрудника, который, представляя письменные рекомендации ученых, тем не менее имел большой вес при разработке мероприятий по природопользованию. Теперь же в администрациях любого уровня, к сожалению, полностью игнорируются рекомендации целых научных учреждений и корифеев уровня академика. Среди лоббистов охоты на зверей и птиц с использованием транспортных средств и высокоточного дальнобойного скорострельного оружия вольно встречаются известные деятели, в том числе госслужащие и правительственные чиновники. Трудно не вспомнить в связи с этим печальной памяти огромную статью бывшего президента СОПР в журнале «Охота и охотничье хозяйство» за март и апрель 2003 г.

В 2004 г. в связи с назначением министром природных ресурсов Ю. П. Трутнева — известного сторонника моратория на весеннюю охоту — наметился некоторый перелом, и в СМИ, особенно на государственном телевидении, стали преобладать материалы против весенней охоты. Ряд центральных и региональных изданий призывали к мораторию в связи с угрозой распространения птичьего гриппа. Центральный совет СОПР и многие региональные отделения этой организации заняли четкую позицию в поддержку моратория и направляли соответствующие обращения в охотдепартамент и губернаторам краев и областей. Общие экологические организации (например, Новосибирский экоклуб) также проявляли должную активность. В нескольких районах на юго-западе НСО ежегодный запрет на весеннюю охоту — принципиальная позиция местных администраций. В апреле 2004 г., выступая с отчетом о своей деятельности по областному радио, глава администрации Баганского района НСО (там находятся водно-болотные угодья международного значения) прямо заявил о том, что никогда не разрешит стрелять по птицам весной. Во многих сибирских регионах, включая соседние с Новосибирской Омскую и Кемеровскую области, был все-таки объявлен мораторий на охоту весной. В Алтайском крае сложившуюся практику открытия охоты в «сдающем режиме» в ранние сроки, до начала массового гнездования, сохранили, а в Томской области в явный диссонанс с преобладающей тенденцией и вопреки настроениям большинства томичей продлили сезон охоты до конца мая, ссылаясь на мифическое похолодание и вытянутость территории с юга на север. Выяснилось, что ряд центральных газет (в частности, «Российская охотничья газета» издательского дома «Московский комсомолец») солидаризируется с позицией правления Росохотрыболовсоюза и соответствующего департамента Минсельхоза. Главные их тезисы: Европа и Украина для России не пример, весенняя охота — якобы национальное достояние россиян.

Важно, чтобы телезрители, радиослушатели и читатели газет знали сторонников моратория на весеннюю охоту как профессионалов, как можно чаще видели,

слышали и читали интересные сообщения о результатах их научной деятельности, чтобы журналисты и публика воспринимали известных орнитологов как независимых экспертов. В каждой научно-популярной публикации о птицах следует акцентировать их зависимость от деятельности людей, называть как реальные факты негативного влияния на птиц стрельбы и беспокойства, так и позитивные примеры помощи птицам, попавшим в беду, нуждающимся в подкормке, искусственных гнездовьях, охране местообитаний и т. д. Особенно много таких публикаций размещено в новосибирских, региональных и центральных СМИ в 2003 и 2004 гг. Большой резонанс получили сообщения СМИ на местах и в центре страны о судьбе нескольких кудрявых пеликанов, оставшихся на зиму на Оби ниже плотины ГЭС в ноябре — декабре 2004 г. При вспугивании стаи пеликанов птицы-сеголетки отстали, не смогли продолжить перелет без вожаков и были потеряны для популяции, хотя половину их удалось отловить и передать в зоопарк. Этот пример многих убедил, что крупные «краснокнижные» птицы могут серьезно пострадать от беспокойства ружейной стрельбой не только весной, но и осенью.

Зрителями, слушателями и читателями хорошо воспринимается состязательность мнений, представленных в одном репортаже или передаче. В конце августа 2001 г. по «Губернским новостям» на ряд сибирских регионов транслировался выпуск программы «Есть мнение» на тему открытия сезона летне-осенней охоты под заголовком «Охота на охоту». По данным интерактивного опроса по звонкам телезрителей выяснилось, что большинство звонивших негативно относятся к стрельбе по птицам не только весной, но и осенью. В новосибирской областной газете появилась статья «Неохота на такую охоту», написанная по мотивам этой телепередачи и содержащая напоминание охотникам и бизнесменам от охоты о необходимости начинать замену свинцовой дроби на другой, не токсичный, металл. Важно договориться с ведущими или репортерами о паритетности участия оппонентов, поскольку в настоящее время в СМИ нередки случаи тенденциозности, предвзятости, необъективности, а то и очевидной непорядочности тех, кто транслирует информацию. Очень эмоциональная заметка «Птицы на линии огня» была напечатана в областной газете 11 сентября 2003 г. в связи с решением органов охотнадзора открыть сезон летне-осенней охоты в НСО необычно рано, несмотря на возражения орнитологов, которые основаны на сведениях о позднем подъеме на крыло молодняка дичи. На заседание межведомственной комиссии, принявшей столь вопиющее решение, вновь не пригласили орнитологов и независимых экологов, зато в избытке прибыли функционеры охотничьих обществ. А ведь последнее — никакие не ведомства. Об экологической экспертизе решений о сроках и порядке проведения сезонов охоты остается только мечтать.

Весной 2004 г. запрет на весеннюю охоту действовал в соседних с НСО областях — Омской и Кемеров-

ской. В НСО ее удалось свести к минимуму (стрельбу по птицам по личной просьбе губернатора разрешили всего на 2 дня в четырех районах на северо-западе области). В апреле того же года ряд известных новосибирских биологов подписали и направили в администрации НСО и Томской области рекомендации присоединиться к мораторию на весеннюю охоту. Руководство СО РАН тогда же подсказало обратиться за поддержкой в Объединенный Ученый совет по наукам о жизни СО РАН. В Томской же области, где о независимости и принципиальности орнитологов и экспертов-экологов, к сожалению, мало что слышно, охоту разрешили практически на весь май, фарисейски сославшись на якобы затяжной характер весны (на самом деле она выдалась небывало дружной и жаркой) и инструкцию охотдепартамента Минсельхоза о возможности одновременного (по районам) открытия сезона в больших регионах. Томичи эту инструкцию интерпретировали вольно: не стали разбивать «положенные» 10 дней на пятидневки на юге и севере области, а прибавили к 10 дням на юге 10 дней «по срединным районам», а также 10 дней на севере области. Итого 30 дней можно было переезжать с юга на север и стрелять по любым пернатым, включая гусей, большинство видов которых — в Красной книге той же Томской области.

Но и в таком «медвежьем углу», как Томская область, поддержка моратория на весеннюю охоту год от года усиливается. Год назад лоббисты охоты там праздновали победу над здравым смыслом лишь благодаря испытанному принципу формирования межведомственной комиссии из лиц, кровно заинтересованных в разрешении на стрельбу по дичи. Под впечатлением от общения с представителями межведомственной комиссии была написана большая статья «Весна без выстрелов» (авторское название «Трудный путь к мораторию»), которая напечатана в «Вечернем Новосибирске» 20 апреля 2004 г. (редактор областной газеты опубликовать «такое» не решился «по политическим соображениям»). Нынче, т. е. в 2005 г., есть надежда на ощутимую подвижку в правильном направлении даже в Томске. Ряд томских СМИ год назад оказал неоценимую помощь защитникам птиц. Томская экологическая студенческая инспекция ТЭСИ в непростых условиях привлекает новых сторонников моратория.

Мораторий на весеннюю охоту необходим. И он возможен. Но только при объединении усилий его сторонников.

Большинство из упомянутых в этой статье публикаций размещено на Лесном сайте <http://www.forest.ru>

ДАВАЙТЕ РАЗБЕРЕМСЯ

ОХОТА: РАЗВЛЕЧЕНИЕ ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?

Б. В. Кашеваров,
заповедник «Костомукшский»,
член совета Костомукшского городского общества охотников и рыболовов

Сохранение дикой природы несет в себе зародыши собственного крушения — чтобы лелеять, необходимо видеть и ласкать, а когда поглядевших и поласкавших набирается достаточно много, уже не остается дикой природы, чтобы ее лелеять.

Олдо Леопольд

Охота, без всякого сомнения, является древнейшей профессией, хотя это словосочетание у большинства вызывает другие ассоциации. Но, как и вокруг другой древнейшей профессии, вокруг охоты также не утихают и не утихнут в обозримом будущем споры: разрешать или запрещать, этично или аморально и т. п. Понимая бесконечность этих споров на современном этапе развития общества, я тем не менее хотел бы высказать свое мнение, постараться объяснить свою, во многом противоречивую, позицию охотника и специалиста по охране природы. Или наоборот — специалиста по охране природы и охотника. На возражение, что это одно и то же, отвечу словами из «Алисы в стране чудес»: «Может быть, вы еще скажете, что “говорю, что думаю”, и “думаю, что говорю” — это одно и то же?» Однако в моем мнении будет, очевидно, больше вопросов, на которые каждый сможет выбрать для себя ответ самостоятельно.

Ни у кого не возникает желания осуждать охоту, если она является единственным способом существования, будь то дикий хищник или народы, находящиеся на другой стадии развития, чем европейская культура. Но вот здесь и «возникает путаница». Охота малых народов Севера на моржей и белых медведей с целью пропитания — это нормально. А если животное добыто с целью обменять его шкуру или мясо на оружие для более успешной охоты? Уже возникают сомне-

ния. А если обменять на лекарства для больного ребенка? Вроде бы уже сомнения отпадают. Эту дилемму можно рассмотреть и в другом ракурсе. Сам представитель малой северной народности за отсутствием оружия (времени, здоровья, снаряжения и т. п.) поспособствовал тому, чтобы охота состоялась у городского охотника, а его семья имела бы пропитание. Это нормально? Но это, возможно, может быть нормальным для противников охоты только в том случае, если этот представитель получил мясо добытого животного в натуральном виде. А если деньгами, для покупки других продуктов? И здесь возникает масса тонкостей, для дискуссии по которым не хватит журнальной статьи.

В свое время возникли термины «промысловая» и «спортивная» охота. К промысловой охоте отнесли охоту с целью продажи добытой продукции государству, а к спортивной — когда результатами охоты пользуется сам городской охотник. И получается по крайней мере по «Краткому курсу экологической этики» В. Борейко, что первая этична, а вторая как бы и нет. Причина — без занятия спортивной охотой человек (городской охотник) может прожить, и для него охота является в значительной степени развлечением. Могу заверить, что для многих городских (и сельских) охотников это не только любимое времяпрепровождение, но и добыча дополнительных

средств к существованию. Для многих из нас, охотников, законно добытое животное является важным источником животных белков. Из колбасы, которую мы можем покупать на свою зарплату специалистов по охране природы и в которой предполагается наличие мяса, получить эти белки проблематично, так как состоит она чаще всего из модифицированных соевых белков с ароматизаторами, «аналогичными натуральным».

В упомянутой выше книге В. Борейко (я не являюсь ее критиком и во многом согласен с автором) приводится эпизод с английской королевой, любительницей охоты, которая профессиональным движением добила подранка фазана и была осуждена защитниками природы за это «варварство». А что, хочется задать вопрос, было бы лучше, если бы она сделала это непрофессионально? Или это сделал бы кто-то другой, а королева стояла бы рядом? Или, может быть, лучше и этичнее всех выращенных на фермах фазанов пустить под нож, а не под выстрелы охотников? У меня возникают сомнения в том, что в данном случае будет более этичным. Так же для меня остается и останется вопросом, что более этично (или, наоборот, негуманно): добыть дикого, незнакомого тебе лося или зарезать домашнюю корову или лошадь, которых растил в течение нескольких лет, лелеял, называл ласкательными именами и повел на заклание, ласко-

во поглаживая по холке (не дай Бог, почувет недоброел)?

Но что это я все про охоту на теплокровных животных? Разве охота на холоднокровных, в том числе рыбная ловля, чем-то отличается принципиально? Если с подводным ружьем — подводная охота, если с крючком и удилицем или сетью — рыбалка. Если с ружьем на куницу — охота, а с собакой и сетью — тоже охота. Другого термина нет. Рыбам не повезло в этой дискуссии тем, что они эволюционно от нас дальше, молчат, и глаза их, как нам кажется, ничего не выражают (я уже выступал в защиту рыб на страницах «Охраны дикой природы» несколько лет назад в связи с обсуждением проблемы отлова мышевидных грызунов в заповедниках). Большинство рыбаков поэтому «гуманно» дают пойманной рыбе «уснуть» на воздухе. Почему бы тогда не топить всех наземных животных? А совсем еще недавно китов и дельфинов считали рыбами, проблем с этическим к ним отношением тоже не было...

Лет 15 назад по телевидению прошел фильм «Лики смерти», в котором с осуждением были показаны кадры застолья, во время которого живой обезьянке разбивают голову и ложечкой вычерпывают мозг, когда тело еще бьется в конвульсиях. И я согласен с этим осуждением. Но совсем недавно по одному из каналов был показан другой рецепт восточной кухни. Живого (!) карпа надрезают по всей длине на ломтики, живого (!) опускают в кипящее масло и подают на стол, когда он еще шевелит жабрами, показывая тем самым, что рыба свежая. И все нормально, экзотично, конечно, не для каждого, но никакого осуждения. А в чем разница? У рыбы-то смерть была мучительней.

Другой аспект проблемы, тесно связанный с охотой. Численность какого-то вида стала наносить вред (не человеку — в этом случае за вредителей не вступятся даже защитники животных), а природным

комплексам в целом. «Гуманно» предоставить процессу идти самому по себе или снизить численность данного вида? Даже примеров не хочется приводить, когда подобное вмешательство было необходимо. И пусть в большинстве случаев рост численности этих видов был вызван деятельностью человека. Делать-то что? Здесь и сейчас? Только посыпать голову пеплом?

С охотой связан огромный пласт человеческой культуры, и отказ от первой повлечет много изменений во второй. В частности, от охотничьего оружия можно отказаться и снести его в музей. А что делать с таким культурным наследием, как охотничьи породы собак? Выставить в музеях их чучела? Или превратить в домашних комнатных любимцев? За последним последует непременно их деградация как охотничьих пород, изменения будут не только внутренние, в мозгах, но и чисто внешние, в экстерьере. Даже свою западносибирскую лаечку я с трудом могу представить только в качестве комнатной собачки — столько в ней энергии, выход которой она может дать только в реальных условиях охоты. А уж увиденное мной однажды цирковое представление, где вместо привычных вальсирующих на задних лапках болонок мучились в этих упражнениях русские псовые борзые, не вызвало у меня ничего, кроме жалости к этим рослым спринтерам, гордости русского охотничьего собаководства.

Ну не приживается почему-то у нас индуизм со священными коровами, с венчиками для подметания своего пути, чтобы не наступить ненароком на какое-нибудь живое существо.

Вот и получается, что человечество в своем развитии еще не достигло тех высот, когда без ущерба для своего развития может полностью отказаться от добычи (убийства) любых живых существ, вне зависимости от их положения на эволюционном древе. Но и не пало так низко, чтобы разрешить «венцу эволюции» бесконтрольно уничтожать

все живое. И пока мы будем находиться на этой стадии, будут экстремисты и с той, и с другой стороны, будут, увы, взаимные упреки и обвинения. Но именно благодаря этим дискуссиям каждый из нормальных любителей природы и нормальных любителей охоты задумывается над своим местом в этом мире. И главной нашей общей заповедью должно быть «не навреди».

P.S. И разве не знаменательно, что инициаторами заповедников — высшей формы ОХРАНЫ ПРИРОДЫ — выступили ОХОТОВЕДЫ!

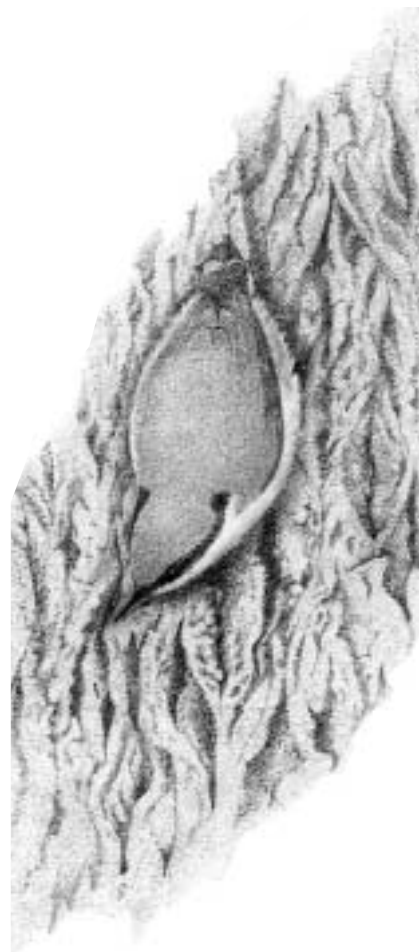

Рисунок И. Филус

БАЙКАЛЬСКИЕ ОРЛЫ — ДАЛЕКИЕ, МАЛО КОМУ ИНТЕРЕСНЫЕ, ВЫМИРАЮЩИЕ

В. В. Рябцев, канд. биол. наук,

Прибайкальский национальный парк

Так получилось, что с 1978 г. и до нынешнего дня орел-могильник (*Aquila heliaca*) является основным объектом моих орнитологических исследований. В иные сезоны наблюдения велись весьма интенсивно, в другие носили случайный характер, бывали и перерывы на 2–3 года. В конечном же итоге самая восточная — «байкальская» — популяция вида, населяющая лесостепи Иркутской области, Усть-Ордынского Бурятского национального округа, Республики Бурятия, является, вероятно, самой изученной в России. Весьма подробно исследована экология байкальских могильников, прослежены изменения численности за почти 40-летний период, с помощью спутникового радиослежения выяснены миграционный путь и район зимовки.

Существуют очень серьезные опасения за будущее данной популяции. Для 1960-х годов ее численность в Прибайкалье (без Бурятии) оценена в 300 пар, в начале 1980-х по моим данным она составляла 150–200 пар, а в 1999 г. — лишь 40 пар. Этот процесс сокращения численности продолжался и в последующие годы. Полагаю, что к 2004 г. сохранилось примерно 20–30 пар этих птиц.

Что же явилось причиной? Условия обитания могильника в последние годы не ухудшились. Особенно наглядна ситуация в Байкальской котловине, где за последние десятилетия почти не сократилась площадь местообитаний вида, не применялись пестициды, в наибольшей степени сохранилось древнее благожелательное отношение к орлам населения и поэтому почти нет негативного влияния фактора беспокойства. Но за период с 1982 по 2004 г. количество орлиных пар сократилось здесь с 16–19 до двух.

Наиболее вероятным объяснением являются неблагоприятные изменения в местах зимовки. Это плато Юньнань в юго-западной части Китая, примыкающие горные районы восточной Бирмы и северного Таиланда. Именно здесь следует искать причины резкого сокращения байкальской популяции могильника. Начиная с 2000 г. я предпринимал попытки организовать экспедицию в Юньнань. Удалось установить контакты с китайскими специалистами, выразившими заинтересованность в исследовании этой проблемы. В 2001–2002 гг. мы независимо друг от друга искали российские и китайские источники финансирования. Увы, не-

удачно. Осенью 2001 г. я был очень близок к успеху — заявка прошла в Иркутский областной экологический фонд. Два месяца готовил документы для подписания договора, но на самом последнем этапе (подпись зам. губернатора) все сорвалось из-за ошибки юристов, а спустя 2 недели губернатор ликвидировал и сам фонд.

Могильнику посвящены 18 научных и 19 научно-популярных моих публикаций, включая книгу «Орлы Байкала». Подавляющее большинство их относится к 1996–2004 гг. Пора уже оценить, какой отклик принесла вся эта работа, каковы ее слабые места, что требуется для решения проблемы в практической плоскости.

Эколого-просветительская деятельность была небезуспешна. По крайней мере о проблеме слышаны региональные СМИ, любители природы. Кроме публикаций в прессе (включая и десятки в Интернете) было весьма много «новостных» телевизионных сюжетов, местным телеканалом был снят видеофильм, прошла фотовыставка. Нередки звонки от людей, желающих рассказать о встречах орлов и других хищных птиц, находках их гнезд, о погибших птицах. Но, конечно, для решения проблемы этого совершенно недостаточно. Необходимы конкретные шаги на государственном уровне, призванные привлечь внимание официального Китая, продемонстрировать ему, что судьба мигрирующих птиц вообще и конкретной орлиной популяции в частности России небезразлична. Общеизвестно, что именно из-за неблагополучия на китайских зимовках в Восточной Сибири резко сократилась численность гусей, чирка-клоктуна. Эти примеры — лишь вершина айсберга проблемы гибели сибирских птиц на зимовках в Юго-Восточной и Южной Азии. Огромная численность населения в этом регионе, разрушение природных ландшафтов, безудержная химизация сельского хозяйства, сильнейший пресс охоты с применением всевозможных ловушек, сетей и даже ядов — все это уже многие годы ведет к непрерывному падению численности многих сибирских перелетных птиц. Необходимы официальные запросы правительству Китая, заключение российско-китайской конвенции об охране перелетных птиц, совместные программы по спасению гибнущих видов, подвидов, популяций.

Однако от нашего государства не приходится ждать

реальной помощи по спасению мигрирующих птиц. Особенно в последние годы, когда государственные природоохранные структуры постоянно реформируются и не выходят из глубочайшего кризиса. Тогдашнему руководителю российских ООПТ В. Б. Степанищину в 2000–2002 гг. я пару раз рассказывал об орлином неблагополучии, но ответная реакция ясно свидетельствовала — с этой стороны поддержки сейчас ждать не приходится. Что и понятно. Свои, российские, ООПТ государство не сегодня завтра разорит и уничтожит, чего уж ему о «китайской природе» беспокоиться.

С государственной поддержкой все ясно. Но есть еще международные природоохранные фонды. Насколько реальна их помощь, если речь идет об охране редкой птицы в Сибири? Обращался я и в Московское представительство WWF, и в Гринпис с его Байкальской программой, но, увы, эти природоохранные организации не смогли уделить внимания проблеме сохранения «штучных» орлов.

Впрочем, в этом плане отнюдь не все плохо. Общество защиты диких птиц Японии в 1998–1999 гг. передало мне спутниковые передатчики и оплатило их радиослежение. Общественная организация Байкальская экологическая волна оплатила мои поездки в Хабаровск за этими радиопередатчиками. Фонд МакАртуров в 1999 г. выделил индивидуальный грант, в течение нескольких лет очень способствовавший моей работе. Были и другие, небольшие, гранты. Благодаря этому финансированию удалось провести исследования в 1997–2004 гг., проделать большую эколого-просветительскую работу. Конечно, хотелось бы большего, но тут уж основная вина, наверное, лежит на мне самом — так и не научился «фандрайзингу». Поэтому до сих пор не удается найти деньги для экспедиции в Юньнань.

Кроме фондов есть еще и коллеги-орнитологи, чья поддержка крайне необходима. Именно им адресовались 18 моих научных публикаций. В основном это были весьма обширные статьи, опубликованные в таких журналах, как «Вестник ЛГУ», «Экология», «Охота и охотничье хозяйство», две — в сборнике «Королевский орел», целиком посвященном могильнику. Кажется, они не должны были бы остаться незамеченными. Каков же резонанс этих публикаций в орнитологической среде? Более чем скромный. Конечно, речь идет лишь об одной популяции редкого, но широко распространенного вида, причем сравнительно благополучного в ряде регионов России. Вероятно, поэтому у орнитологического сообщества большой озабоченности нет, а в научной и природоохранной литературе упоминаний о крахе восточной популяции могильника очень мало. Например, в Красной книге РФ (животные), вышедшей в 2001 г., в соответствующем очерке очень кратко приведены устаревшие данные о двух-трехкратном снижении численности «на некоторых участках Предбайкалья». Вряд ли такие сведения могут кого-либо встревожить. Правда, в «Красной книге птиц Азии» (Collar et al., 2001) в видовом очерке о могиль-

нике именно по байкальской популяции представлен самый большой объем информации, в том числе и тревожной, но я сам ее и предоставил составителям. Зато если взять, к примеру, сравнительно недавнюю статью В. Белика, В. Галушина, Д. Богомолова «Results of the Imperial Eagle (*Aquila heliaca*) project in Russia during 1996 and 1997» в журнале «Aquila» (2002, т. 107–108), то каких-либо упоминаний о байкальской популяции в ней нет. Конечно, проект был посвящен лишь Европейской России. Но неужели нельзя было уделить строку и сообщить о кризисе самой восточной популяции вида, тем более, что несколько слов все-таки сказано о моих исследованиях, но только тех, что касаются взаимоотношений прибайкальских бурят с орлами.

Хочу, чтобы меня поняли правильно: дело не в обиде («не уважают, не цитируют»). Но где же, как не на страницах именно этого журнального номера, заполненного статьями о могильнике в европейских странах от Балкан до Урала, было бы уместно сообщить многим ныне живущим «орлиным радетелям» о катастрофическом сокращении одной из крупнейших популяций? Ведь это был бы прекрасный способ донести тревогу за судьбу орлиной популяции именно до тех, у кого она может найти отклик. И почему подобную тревогу столь трудно пробудить у прекрасно информированных российских коллег? Неужели их интересуют и волнуют лишь объекты собственных исследований?

Я убежден, что при каждом удобном случае следует доводить до наших европейских и американских коллег информацию о неблагополучии зимовок сибирских птиц. Их помощь крайне нужна для того, чтобы заставить «официальный» Китай признать существование этой проблемы.

Теперь о Союзе охраны птиц России (СОПР), под эгидой которого и был выполнен упомянутый выше проект по могильнику для Европейской России. Казалось бы, кому в нынешней России, как не этой общественной организации, быть главным «птичьим заступником»? В отношении байкальских орлов — не стал. Получая мои отчеты и письма, московский офис СОПР никак на них не реагировал. Что ж, сотрудников в офисе мало, финансов еще меньше, а птиц в России, нуждающихся в неотложной защите, очень много. Всем не поможешь и всем не ответишь.

Но проблема гибели сибирских птиц на зимовках (в первую очередь китайских) очень серьезна. Она непосредственно влияет на большую часть местной орнитофауны, затрагивает интересы почти всех сибирских орнитологов и любителей птиц.

Сделал ли что-либо реальное СОПР для ее разрешения? Я ничего об этом не слышал. Может быть, это связано с моей плохой осведомленностью, но думаю, что причина в ином. На мой взгляд, нынешнее неблагополучие в СОПР, когда региональные отделения ожесточенно спорят с «москвичами», как в капле воды отражает в себе общероссийский кризис, порожденный серьезнейшим конфликтом регионов и федерального центра. Став «государством в государстве», живя в со-

вершено особых условиях, имея иной уровень жизни, Москва и ее жители в значительной степени потеряли связи с остальной Россией. Москва живет по своим «понятиям», имеет свои особые интересы. А интересы окраин, регионов ей малопонятны и не близки. Вот и для московского офиса и руководства СОПР, для многих столичных орнитологов Сибирь «неприоритетна», а точнее — малоинтересна, безразлична. Она не слишком удобна «европейцам» для полевых исследований — ехать далеко и дорого, а «глобально редких видов», на охрану которых реально получение зарубежной помощи, на ее огромных просторах немного (по крайней мере значительно меньше, чем на Дальнем Востоке). Неудивительно, что про Сибирь постоянно забывают, в отношении ее птиц все чаще ошибаются. Пример — включение в последнюю редакцию Красной книги РФ европейских и дальневосточных популяций большого подорлика. Сибирские проигнорированы, хотя их состояние (по крайней мере в Восточной Сибири) на-

Рисунок И. Филус

ОХРАНЯЕМЫЕ ВИДЫ

много хуже, чем, например, в Приамурье. О чем имеются публикации, в том числе и мои. Сибирские орнитологи теперь редкие гости на проводимых в европейской части страны конференциях и совещаниях, поэтому их тревоги озвучиваются нечасто.

Такова моя точка зрения на причины малого интереса руководства СОПР, да и вообще орнитологов европейской части страны к сибирским птицам. И нынешнее положение дел на всех уровнях не внушает оптимизма. Сибирь не может служить надежным тылом для федерального центра, осуществляющего в отношении ее самую настоящую колониальную политику. Сибирские любители птиц вряд ли станут всерьез поддерживать организацию, игнорирующую нужды их регионов.

А между тем проблемы охраны сибирской орнитофауны заслуживают самого серьезного внимания и помощи со стороны СОПР. И сибирским орнитологам в настоящее время также только с этой стороны и остается надеяться на помощь. Ведь другой организации, «болеющей» за птиц, в России нет.

Каковы же перспективы «байкальских» могильников? Есть надежда, что их численность хоть на низком уровне, но стабилизируется. Некоторый оптимизм внушают данные И. Н. Феллова, согласно которым самая западная в байкальской популяции могильника гнездовая группировка, населяющая Зиминско-Куйтунские лесостепи (Иркутская область) в 2002—2004 гг., в отличие от обитающих в остальных лесостепных районах Предбайкалья имела стабильную численность. Здесь гнездится не менее четырех пар орлов. Возможно, они зимуют на территории одного из трех национальных парков, расположенных в Юньнани, и не подвергаются воздействию негативных факторов, губительно сказывающихся на основной части популяции.

Тем не менее вероятность полного и скорого вымирания самой восточной популяции могильника весьма велика. Знаменательно, что этот орел связывает между собой два объекта Всемирного природного наследия ЮНЕСКО, удаленные друг от друга более чем на 4 тыс. км, — озеро Байкал и плато Юньнань.

Р. S. Летом 2005 г. мы с иркутским кинооператором Сергеем Марковым снимаем хроникально-документальный видеофильм «Царь-птица», посвященный орлам-могильникам Прибайкалья. Спасибо Комитету по кинематографии РФ за финансирование съемок. Было бы совсем замечательно, если бы он обеспечил и показ фильма по телевидению!

СУДЬБА ЗУБРА ОПЯТЬ В РУКАХ РОССИИ

Т. П. Сипко, канд. биол. наук, Институт проблем экологии и эволюции РАН
 И. В. Гусаров, канд. с.-х. наук, Северо-восточный институт сельского хозяйства
 И. А. Мизин, национальный парк «Орловское полесье»
 В. Д. Казьмин, канд. биол. наук, заповедник «Остров Врангеля»

Из школьных учебников мы знаем, что зубр — один из немногих видов животных, который после полного истребления в дикой природе был успешно восстановлен благодаря разведению в зоопарках и питомниках. Но будущее крупнейшего наземного млекопитающего Европы отнюдь не безоблачно. В Беловежской пуще (в польской ее части) недавно прошла международная конференция по сохранению европейского зубра. В ее работе приняли участие более 70 специалистов из 12 стран, включая Россию. В итоговом документе, принятом на конференции, отражено беспокойство современным положением дел с этим видом, особенно в России. Зубр, занесенный и в Международную, и в Российскую красные книги, хотя и не находится под непосредственной угрозой исчезновения, но тем не менее требует безотлагательных мер по охране, причем на государственном уровне.

Драматичная и поучительная история вымирания и спасения европейского зубра хорошо документирована. Развитие земледелия отнимало у зубра лучшие уголья, а прямое преследование уничтожало сохранившиеся популяции. В результате к XVIII в. зубр сохранился только на северо-западе Кавказа и в Беловежском лесу. Из-за редкости и эффектного вида он стал так называемым «царским зверем», и его судьба переплелась с историей многих правящих фамилий Европы. Особо следует отметить роль императоров России в сохранении зубра. После укрепления границ империи последние его убежища получили особый статус, из государственной казны выделялись средства, был предусмотрен штат специального персонала, в обязанности которого вменялись и охрана, и подкормка, и преумножение численности зубра. В этот период появились и первые научные исследования, посвященные этому виду. В 1861 г. в Беловежской пуще был организован зверинец, где разводили зубров и из которого животных передавали в зоопарки Европы.

Черными полосами в жизни этого вида были войны и восстания сепаратистов. Первая мировая и последующая гражданская войны уничтожили последние дикие стада зубров, а Вторая мировая война чуть не погрузила этот вид в небытие. Только 12 животных, сохранившихся в зоопарках и частных питомниках, оставили потомков и стали родоначальниками всех современных зубров. И этих зубров, как и страны, вошедшие в разные политические блоки, история XX в. разделила на «западных» и «восточных», практически

изолированно разводившихся все это время. К 1991 г. общее число зубров в мире превысило 3 тыс. особей. Можно было констатировать, что первоначальная задача, состоящая в восстановлении численности вида, была успешно выполнена, причем особенно велика была в этом роль России.

Чем же было вызвано беспокойство ученых? Дело в том, что поскольку все современные зубры происходят от немногочисленных родоначальников, уцелевших после истребления вида в дикой природе, ныне мы имеем только часть того генетического материала, который существовал во времена расцвета вида. По данным, содержащимся в Международной племенной книге зубров, существующие сейчас вольные стада малочисленны, а почти половина зубров содержится небольшими группами во множестве зоопарков. И все это ведет к росту инбридинга, потере генетического полиморфизма и, как следствие, к вырождению. Известно, что обеднение генетического разнообразия влияет на генетический баланс в системе паразит — хозяин и снижает индивидуальную устойчивость животных и популяции в целом к заболеваниям. Также установлено, что устойчивость к заболеваниям является полигенным признаком, и снижение полиморфизма по многим генетическим системам приводит к уменьшению эффективности работы иммунной системы, что может привести к вымиранию популяции от действия самых разнообразных (на первый взгляд малозначительных) дестабилизирующих внешних факторов. И действительно, у зубров мы наблюдаем снижение пло-

довитости, рост заболеваемости и смертности — явные признаки развития инбредной депрессии.

Развитие науки и накопление опыта по сохранению редких видов животных, происходившие в конце XX в., позволили сформулировать так называемое правило «50/500», которое гласит, что для кратковременного и гарантированного переживания популяции и сохранения ее генетического полиморфизма необходимо иметь эффективную численность в 50 особей, а для долговременного существования — в 500 особей. Эффективная численность определяется числом репродуктивно успешных животных и их половым соотношением. У копытных она составляет 25–35% от общей численности популяции. Из этого следует, что для успешного сохранения зубра необходимо наличие единой популяции этого вида численностью в 1,5–2 тыс. особей. Вывод очевиден: ставя перед собой задачу сохранения и восстановления зубра в природе, необходимо приложить все усилия для создания популяции соответствующего размера. Причем во избежание последствий эпидемий или других форс-мажорных обстоятельств нужно иметь не менее двух центров разведения, достаточно удаленных друг от друга. На большее же число полноценных популяций просто не хватит ресурсов имеющегося в мире поголовья зубров. Высокая смертность и низкие темпы прироста не позволят в короткие сроки добиться создания группировки с требуемой численностью, и, значит, необходимо настраиваться на длительную и хорошо скоординированную работу всех заинтересованных в сохранении зубра международных сторон. Очевидно, рассчитывать на то, что в ближайшие десятилетия эта задача будет решена без целенаправленного использования всех мировых племенных ресурсов зубра, более чем легкомысленно.

Известно, что в зависимости от условий обитания на одного зубра требуется до 10 кв. км лесных угодий. Практически вся Европа сильно трансформирована многовековой деятельностью человека, и территории, отвечающими потребностям такой крупной популяции зубра, располагает только Россия. К сожалению, в последние десятилетия зубр в нашей стране лишился внимания государства. При хроническом отсутствии финансирования организовать действенную охрану зубров, живущих на воле, невозможно. Добавилась и война на Кавказе, в результате которой вообще были уничтожены две с таким трудом создаваемые популяции. В результате число зубров в нашей стране сократилось более чем в 3 раза и продолжает сокращаться.

Пожалуй, единственным положительным явлением за последнее время стало создание новой популяции зубра в Орловской области. Этот проект начался с региональной инициативы по созданию национального

ОХРАНЯЕМЫЕ ВИДЫ

парка «Орловское Полесье», где на стыке Калужской, Брянской и Орловской областей есть достаточно места для обитания многочисленной группировки зубров. В дальнейшем к этой инициативе подключился Всемирный фонд дикой природы (WWF), организовавший доставку зубров из западноевропейских центров разведения и поэтому особо ценных для освежения крови российских зубров. Но, к сожалению, эту работу поручили некомпетентным людям, и в результате 40% зубров, вывезенных из Западной Европы, погибли. Стоит отметить, что за всю предшествующую историю перевозок и расселения зубров в России таких больших потерь не было.

Хочется обратить внимание и на другую сторону проблемы. При общем дефиците племенных животных в последние годы участились случаи выпуска зубров в уголья, бесперспективные для их жизни и увеличения численности. Безусловно, популистскими следует считать решения о завозе зубров в некоторые районы Владимирской области, где природные условия, высокая антропогенная нагрузка и особенно густая сеть транспортных коммуникаций федерального значения с интенсивным движением не позволяют существовать крупной единой популяции зубра. Подобные действия нарушают обязательства и положения, записанные в международной и частично в Российской стратегии сохранения этого вида.

А стоит ли вообще заниматься столь сложной и требующей огромных материальных затрат проблемой? Самый очевидный ответ на этот вопрос состоит в том, что зубр — это неповторимое творение природы, и мы просто не вправе его терять. С другой стороны, кто знает, для чего в будущем может потребоваться генофонд этого фонового компонента европейских лесов человечеству. И будущее это не за горами. Разработанный для сохранения зубра метод консервации спермы позволил проводить опыты по гибридизации зубров с крупным рогатым скотом, и под руководством доктора А. И. Абилова было создано стадо таких гибридов. Этих животных сейчас используют в основном как объект охотничьего туризма, но в перспективе они должны дать начало новой породе мясного скота, не имеющего себе равных по приспособленности к суровым климатическим условиям России. Стоит отметить и то, что зубр является одним из немногих видов диких животных, племенные записи которых ведутся более 100 лет, и уже сейчас анализ этих племенных книг позволяет разрабатывать как действенные меры по сохранению самого зубра, так и теоретические подходы к спасению других видов редких животных.

ОЗЕРО ЧАТЫР–КУЛЬ ДОЛЖНО ОСТАТЬСЯ ЗАПОВЕДНЫМ!

А. П. Яковлев,

Иссык-Кульский Государственный заповедник, Республика Кыргызстан

Каждую весну стаи горных, или индийских, гусей (*Anser indicus*) возвращаются из районов зимовки в Северной Индии, преодолевая горные хребты Гималаев на фантастической высоте 9 тыс. м над уровнем моря. Птицы стремятся к местам гнездования на безлюдных берегах чистых высокогорных озер Центральной Азии, но с каждым годом число таких мест сокращается. На территории России сохранилось всего несколько десятков пар горных гусей. В Республике Кыргызстан их небольшая популяция гнездится только на озере Чатыр–Куль, до недавнего времени входившего в территорию Иссык-Кульского заповедника. Но теперь заповедному озеру грозит искусственное зарыбление, и горные гуси могут лишиться своего последнего приюта.

4 ноября 2003 г. Правительство Республики Кыргызстан издало беспрецедентное постановление № 694 «О переводе озера Чатыр–Куль в категорию рыбохозяйственных водоемов государственного значения», согласно которому особо охраняемая природная территория площадью 7154 га, включая акваторию озера Чатыр–Куль и 3200 га прилегающей к озеру территории, была выведена из состава Каратал–Джапырыкского Государственного заповедника и передана в народнохозяйственное пользование с целью искусственного зарыбления озера промышленными видами рыб. Таким образом, вопреки международной природоохранной практике Кыргызстан встал на путь сокращения заповедных территорий, тогда как практически во всех странах мира, осознавая необходимость сохранения биоразнообразия, создаются благоприятные условия для обитания биологических объектов путем увеличения площадей охраняемых природных территорий. И наиболее благополучные в экологическом отношении страны обязаны своим благополучием прежде всего своевременному принятию природоохранных мер, основу которых со-

ставляют меры по заповеданию наиболее значимых и уязвимых природных территорий.

Ежегодно в период с 1992 по 2003 г. я принимал непосредственное участие в полевых исследованиях на озерах Сон–Куль и Чатыр–Куль в рамках реализации Государственной программы по стабилизации численности популяции горных гусей в Кыргызстане и выявлению причин сокращения их численности и ареала обитания. Я не понаслышке знаю, насколько уязвима природа высокогорий и насколько необходимо сохранение экосистем этих высокогорных озер, ценность которых заключается и в том, что они являются естественными накопителями пресной воды, и в том, что они служат единственными и незаменимыми местами для гнездования птиц, занесенных в Красную книгу Кыргызстана.

Впервые вопрос об организации на озере Чатыр–Куль особо охраняемой природной территории возник в середине 60–х годов прошлого столетия в связи с резким сокращением численности популяции горных гусей в Кыргызстане. К тому времени ареал их обитания на территории республики значительно сократился, и места их гнездования сохранились только на высокогорных озерах Сон–Куль (3016 м

над уровнем моря) и Чатыр–Куль (3556 м над уровнем моря). Инициатива по заповеданию этих озер принадлежит известным ученым–орнитологам Кыргызстана — А. И. Янушевичу, Э. Д. Шукурову, А. К. Кадыралиеву и другим специалистам охраны природы и заповедного дела.

Как показали полевые исследования, резкое сокращение численности популяции горных гусей связано с хозяйственным освоением высокогорных территорий, ведущим к росту факторов беспокойства на местах гнездовий (деятельность людей, присутствие сельскохозяйственных животных). Особенно резко действие этих факторов проявилось в Сон–Кульской котловине из–за наличия там продуктивных пастбищ и близости к населенным пунктам. Первым документом, придавшим этим территориям статус заказника, который обеспечивал охрану только в период гнездования птиц, стало постановление Совета Министров Киргизской ССР № 106 от 29 марта 1971 г. «О мерах по воспроизводству и улучшению охраны диких гусей на территории Киргизии». Заказник включал всю акваторию и берега озера Чатыр–Куль, а также небольшую часть акватории озера Сон–Куль и примыкающей к ней суши.

В последующие годы горные гуси были включены в Красные книги Кыргызстана, Таджикистана, России и других государств Центрально-азиатского региона, на территориях которых находились места их гнездования и зимовок. Однако принятые меры носили скорее характер формальной юридической защиты и оказались достаточно точными только для того, чтобы стабилизировать численность популяции на озере Чатыр-Куль, сравнительно редко посещавшегося людьми, но эти меры были не способны предотвратить сокращение численности сон-кульской популяции горных гусей. Усугубляло положение и то обстоятельство, что озеро Сон-Куль в 1968 г. было зарыблено, и с 1974 г. там начался промышленный лов рыбы, из-за которого возрос приток людей, участились случаи разорения гнезд и браконьерства, жертвой которого наряду с другими видами становились и горные гуси.

Ученые-орнитологи вновь забили тревогу: нужны были более действенные меры по охране горных гусей. В результате их усилий постановлением Совета Министров Киргизской ССР № 101 от 31 марта 1989 г. «О дополнительных мерах по воспроизводству горных гусей в Кыргызстане» охраняемые участки на озерах Сон-Куль и Чатыр-Куль получили статус заповедных и переданы под административное и научное управление Иссык-Кульского заповедника, профилирующей задачей которого являлось сохранение и изучение водно-болотных угодий озера Иссык-Куль и обитающих там водоплавающих и околоводных птиц. Постановление ограничивало выпас скота и сроки рыбной ловли и ставило запрет на использование моторных лодок на озере Сон-Куль в летнее время. Однако с первой половины 90-х годов рыбодобывающие организации в угоду коммерческой целесообразности игнорировали эти ограничения, и лов рыбы на озере производился практически круглый

год. Результаты не замедлили сказаться.

Сравнительный анализ результатов многолетнего мониторинга численности горных гусей на озерах Сон-Куль и Чатыр-Куль, в том числе и количества размножающихся пар, как основного показателя стабильности развития популяции, свидетельствует, что на протяжении 90-х годов сон-кульская популяция продолжала деградировать: от 10 пар, гнездящихся в 1992 г., до полного их исчезновения в 2002 — 2003 гг. Численность чатыр-кульской популяции в этот период оставалась стабильной и держалась на уровне 300—350 особей, в том числе 40—45 размножающихся пар. Очевиден факт, что исчезновение гусей на озере Сон-Куль совпало по времени с зарыблением озера и началом промышленного лова рыбы. И произошло это несмотря на то, что в этот период в результате деколлективизации хозяйств количество сельскохозяйственных животных в Сон-Кульской котловине существенно сократилось. Таким образом, озеро Чатыр-Куль, акватория которого из-за отсутствия плавсредств еще способна играть роль зоны безопасности для размножающихся и линных птиц, в настоящее время является последним местом обитания горных гусей в Кыргызстане. Стоит отметить, что это озеро играет важную роль в жизни и других видов птиц. Например, это единственное и незаменное место линьки 8—10 тыс. огарей (то есть половинки региональной популяции) и единственное в Кыргызстане место линьки редких для региона серых гусей.

Веским аргументом в пользу сохранения озера Чатыр-Куль является и то, что оно осталось практически единственным высокогорным озером не только в Кыргызстане, но и во всем Центрально-азиатском регионе, почти не затронутым антропогенным воздействием, за исключением проложенной вдоль берега автодороги, соединяющей Кыргызстан с Китаем. В силу суровости высокогорного климата его природа чрезвычайно

уязвима и беззащитна перед последствиями деятельности человека, а период ее реабилитации займет не один десяток лет. Подтверждением этого может служить нынешний облик Сон-Кульской котловины: сплошная сеть автомобильных дорог с глубокой разбитой колеей окружает берега озера, практически лишены растительности и заваленные бытовым мусором на местах многочисленных стоянок рыбаков, а на водной глади постоянно находятся 20—30 рыбацких лодок, нередко нарушающих границы заповедной территории.

С точки зрения научной и природоохранной практики сама идея зарыбления озера неприемлема, поскольку любая интродукция, то есть искусственное внедрение в экосистему чуждых, эволюционно не участвующих в ее формировании биологических объектов, влечет за собой негативные последствия, нарушая сложившееся биологическое равновесие. 8-я статья Международной конвенции «О биологическом разнообразии», к которой Кыргызстан присоединился в 1996 г., гласит: «Каждая Договаривающаяся сторона, насколько это возможно и целесообразно, предотвращает интродукцию чужеродных видов, которые угрожают экосистемам, местам обитания или видам...» В 2002 г. Кыргызстан ратифицировал также Рамсарскую конвенцию о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитания водоплавающих птиц, согласно которой государства — члены Конвенции «обязуются отвечать за все свои водные угодья и разрабатывать планы по разумному использованию водных угодий, их охране и управлению». Таким образом, вышеупомянутое постановление не только зачеркивает тридцатилетние усилия орнитологов и специалистов заповедного дела, направленные на сохранение мест обитания горных гусей в Кыргызстане, но и на международном уровне подрывает престиж Кыргызстана как страны со стабильной и сформировавшейся

природоохранной практикой. Создается впечатление, что лица, принимающие подобные решения, не информированы о том, для каких конкретных природоохранных задач создавались заповедные территории на высокогорных озерах и сколько в предшествующие десятилетия было для этого приложено усилий орнитологов, специалистов заповедного дела, Правительства Киргизской ССР, а позднее и Правительства Кыргызстана.

По мнению автора, необходимо проведение гидробиологических исследований по изучению последствий влияния искусственного зарыбления на экосистему озера Сон-Куль, поскольку это, по-видимому, привело к изменению механизмов утилизации объектов растительного происхождения, снижению прозрачности воды, что является признаком заболачивания озера и в будущем может привести к экологическому бедствию.

Сторонники зарыбления аргументируют свою позицию тем, что в рационе населения Кыргызстана не хватает рыбных продуктов. Но давайте вспомним, что 50–60 лет назад с теми же благими целями было проведено зарыбление озера Иссык-Куль чужеродными видами промысловых рыб, что привело к нарушению межвидового равновесия и потере аборигенных видов рыб. В конечном счете продуктивность озера снизилась, а проблема обеспечения населения рыбными продуктами не только не была решена, но еще больше обострилась. Поэтому аргументы рыбодобытчи-

ков в пользу зарыбления озера Чатыр-Куль, основанные только на стремлении пополнить рацион населения рыбными продуктами путем вовлечения в рыбохозяйственный оборот дополнительных водоемов естественного происхождения, без предварительной экспертизы экологических последствий и не беря во внимание их природоохранный статус, несостоятельны.

Альтернативным решением этой проблемы может стать переход рыбохозяйственной деятельности от экстенсивных методов использования водоемов к методам интенсивным, позволяющим повысить продуктивность не в ущерб природоохранным целям. По моему мнению, объектами для увеличения продуктивности должны оставаться рыбохозяйственные водоемы естественного происхождения, а также сеть искусственных водоемов, то есть водохранилища (Токтогульское, Узгенское, Кировское) и множество прудов, имеющих на территории Кыргызстана. Там необходимо организовать воспроизводство молодых промысловых видов рыб и увеличение их кормовой базы путем искусственной подкормки, на практике применять научно обоснованные квоты на добычу рыбы и сроки лова, которые исключали бы вылов ее в период нереста. Такой подход к решению продовольственной проблемы не будет противоречить природоохранному законодательству и позволит избежать антропогенной реконструкции уже сложившихся экосистем и не нанесет ущерба

международному престижу и заповедному делу Кыргызстана.

Вместо послесловия.

26. 05. 2005 г. сотрудники Иссык-Кульского заповедника объявили голодовку. Пойти на столь крайний шаг их вынудило ухудшающееся состояние заповедника, связанное с браконьерством высокопоставленных чиновников, невниманием к проблемам охраны природы со стороны ответственных органов, неэффективной системой управления. В ряду требований, выдвинутых участниками акции протеста, было и возвращение озерам Чатыр-Куль и Сон-Куль утраченного заповедного статуса.

В настоящее время голодовка прекращена, идут переговоры. У горных гусей появилась надежда на выживание?

Рисунок И. Филус

ЗАПОВЕДНИКИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Ф. Р. Штильмарк

9 мая 2005 г. наша страна праздновала 60-летие победы в Великой Отечественной войне. Об этой войне написано много, но некоторые страницы ее истории до сих мало известны. Феликс Робертович Штильмарк, много лет жизни посвятивший изучению истории заповедного дела в России, не мог обойти вниманием эти тяжелые для всей страны и для заповедников, в частности, времена. Предлагаемая вниманию читателей статья была впервые опубликована на страницах журнала «Югра» (№5, 1995. С. 30–31), а затем вошла отдельной главой в книгу Ф. Р. Штильмарка «Историография российских заповедников (1895–1995)» (М.: Логата, 1996).

Грозовой июнь 1941 г. ознаменовался не только взрывами немецких бомб, очередями у призывных пунктов и сводками Информбюро. Двадцать третьим июня датирован ордер на арест и обыск зав. научной частью Центрально-лесного заповедника, одного из подлинных первопроходцев теоретической экологии профессора В. В. Станчинского, которому были предъявлены обвинения в шпионской деятельности. Находясь в заключении, выдающийся ученый, действительный член экологических обществ Британии и США скончался от сердечной слабости 29 марта 1942 г. В начале войны была арестована и осуждена (также на 8 лет) Евдокия Григорьевна Блошенко, долгое время работавшая ученым секретарем Госкомитета по охране природы НКП и затем в Комитете по заповедникам. Накануне войны забрали (как бывшего офицера) и С. С. Архипова — первого среди активистов парадоксальной даже в юридическом смысле идеи «заповедного хозяйства».

Многие работники заповедников — и научные сотрудники, и служители охраны — ушли на фронт и никогда уже не вернулись. Где-то на Смоленщине погиб в 1942 г. талантливый орнитолог Юрий Михайлович Кафтановский, проводивший свои наблюдения в заповедниках «Семь островов», Кандалакшском и Астраханском. Тогда же погиб и его близкий друг В. М. Модестов, а спустя год та же участь постигла Юрия Алексеевича Салмина, одного из организаторов и исследователей Сихотэ-Алинского заповедника.

Не пережили военных лихолетий и многие ветераны заповедного дела. В осажденном Ленинграде умерли Андрей и Вениамин Семеновы-Тян-Шанские, при эвакуации скончался Д. Н. Кашкаров. В 1943 г. окончилась земная жизнь Франца Францевича Шиллингера. Этот жизнелюбец, человек богатырского сложения, погиб в уральском лагере «Сосьва» от пеллагры, иначе говоря, от истощения. В том же году умер в Москве профессор Б. М. Житков.

Некоторые заповедники, в частности Центрально-лесной, Центрально-черноземный, Крымский, «Тульские засеки», Воронежский, Кавказский и Тебер-

динский, оказались в зоне боевых действий и оккупации. Многие работники Крымского заповедника стали участниками партизанского отряда, возглавлявшегося бывшим директором А. В. Мокроусовым. Один из наиболее перспективных научных сотрудников — эколог Владислав Буковский — героически погиб в бою с фашистами, подорвав себя последней гранатой.

Урон, причиненный живой природе и этих, и всех других заповедников, хотя позднее он был официально подсчитан, по сути не поддается точному описанию и учету.

Главное управление по заповедникам при СНК РСФСР осенью 1941 г. эвакуировалось из Москвы в город Астрахань Сталинградской области, и архивных документов этого периода нам известно немного. Научная работа в заповедниках частично была свернута, хотя наиболее значительные темы сохранялись и финансировались. Во многих дальних заповедниках — Кондо-Сосьвинском, Алтайском, Саянском и других — те научные сотрудники, которые по состоянию здоровья или иным причинам (в частности, неблагонадежности по национальным признакам, это особенно касалось российских немцев) не были взяты в армию, перешли на должность наблюдателей и поддерживали себя личным хозяйством или «дарами природы». Во многих сибирских заповедниках занимались заготовкой лекарственных растений и ягод (брусника), рассматривая это как посильный вклад в дело борьбы с врагом.

В самое тяжелое время войны — в конце 1941 г. — было выдвинуто предложение произвести в заповедниках некоторые рубки леса. Ответ правительства был весьма определен — заповедники призваны охранять природу и обязаны в этих условиях заботиться об охране и не думать о рубках. Когда же конкретно возникла реальная потребность в рубках для оборонных нужд, они, конечно же, проводились, хотя и в ограниченных масштабах, по специальным правительственным распоряжениям.

На этом фоне приятно удивляет Постановление СНК РСФСР от 6 мая 1944 г. об отмене решения Воро-

нежского облисполкома от 9.06.1944 г. «О размещении Комсомольского леспромхоза в Воронежском бобровом заповеднике» за подписью председателя СНК РСФСР А. Н. Косыгина, в котором прямо отмечалось, что «Воронежский облисполком допустил незаконные действия в отношении Воронежского бобрового заповедника, выражающиеся в проведении осушительных работ на торфоболоте без постройки плотины и переселения бобровых семей, рубке леса и прокладке трассы железнодорожного пути по территории заповедника без разрешения Правительства, размещении в заповеднике Комсомольского ЛПХ, оставлении в лесу заповедника большого количества срубленной и невывезенной древесины». Строгое постановление заканчивалось не только перечнем мер по ликвидации нарушений, но и запретом «кому бы то ни было нарушать заповедность в заповедниках Воронежской области». Комсомольскому леспромхозу пришлось спешно убраться из Толши, а в январе 1945 г. сдали плотину на Ивнице.

В похвалу Правительству РСФСР, председателем которого тогда являлся А. Н. Косыгин, надо поставить и тот факт, что в годы войны ни один заказник не был закрыт или сокращен в площади, наоборот, появились два новых — «Предуралье» и «Кунгурская ледяная пещера», включенные в число республиканских объектов и поставленные на госбюджет в 1944 г. (так же, как заповедник «Столбы»).

Надо пояснить, что уже в октябре 1942 г. Главное управление опять разместилось в привычных, хотя и тесных московских апартаментах на Неглинке и не только возобновило оперативную работу по всей заповедной системе, но и заново привлекло себе на помощь сохранившиеся в Москве научные силы. В отчете 1943 г. говорится о существенном сокращении штатов системы, о трудностях проведения бухгалтерских ревизий и неблагоприятии с учетом и отчетностью, сокращении поголовья лошадей, отсутствии спецодежды, научного оборудования и других трудностях. По пяти заповедникам, где были разрешены эксплуатационные рубки леса для оборонных нужд, из 1438 тыс. куб. м было фактически заготовлено лишь 722 тыс. (почти половина этого объема пришлась на Ильменский заповедник). Участились факты браконьерства и лесных пожаров. Научная тематика была перестроена на непосредственные нужды народного хозяйства — поиски полезных ископаемых, минералов, лекарственно-технического сырья и т. д. По всем заповедникам на 1944 г. было намечено к проработке 125 тем и 155 научных мероприятий.

Возобновились борьба с волками, учет животных и проведение фенологических наблюдений. Полностью прекратились акклиматизационные работы.

Характерно, что здесь нет упоминаний ни об экологии, ни о «Летописи природы», хотя такие работы заповедниками выполнялись. План представляет как бы определенную часть «заповедного айсберга», зна-

чительная или даже основная работа системы в нем не находит отражения. Нам неизвестны результаты поисков ископаемых в заповедниках, если же они проводились, то сторонними организациями, как правило, без участия научных сотрудников.

Конечно же, в дальних таежных заповедниках людям жилось несравненно легче, чем в прифронтовых.

Главком официально разрешалась добыча в заповедниках не только волков, но и медведей как вредных хищников (а также рысей). Добывали, конечно, и копытных животных, и боровую дичь, и уток, и рыбу. В Кондо-Сосьвинском заповеднике даже молодая женщина-ботаник (Е. В. Дорогостайская), ставшая рядовым наблюдателем, не расставалась с дробовиком, стреляла рябчиков, ловила карасей вместе с манси. Типичной, хотя и не очень умелой, таежницей была и Зоя Ивановна Георгиевская, изучавшая экологию бобров. Семья Скалонов уехала из Хангакурта, а В. В. Васильев в начале 1941 г. был переведен в Печоро-Ильчский заповедник и скончался от сердечного приступа вскоре после приезда в Якшу (он добирался туда на оленьих упряжках через Уральский хребет).

Знакомясь с архивами Кондо-Сосьвинского заповедника военного периода, невольно поражаешься обилию бухгалтерской и отчетной документации, предоставляемой не только в главк, но и в местные (районные, окружные, областные) инстанции. Отчеты требовались поквартальные, полугодовые и месячные, учитывался каждый гвоздь и каждый шаг людей, находящийся в заброшенной таежной глубинке, где даже писчая бумага стала забытой роскошью (отчеты писали на обоях, а письма чуть ли не на бересте). В то же время, когда в Шухтунгорте пропал зимой старик-охотник Саиспаев, ни сельсовет, ни райисполком даже не обратили внимания на этот случай.

Редкие циркуляры главка ориентировали на практические вопросы — заготовку лекарственных растений, максимальное сокращение средств и штатов. Отмечались успешный опыт Ильменского заповедника по предотвращению замора рыб в местных озерах и ударная работа рыбацких бригад в Хоперском заповеднике. Большое место в повседневности того времени занимала подписка на займы, для чего даже в самые глухие уголки добирались специальные уполномоченные. В 1943 г. собирались средства на авиаэскадрилью «Советские заповедники». Была введена трудовая повинность в виде перевозки грузов, заметно возросли различные налоги. В самом начале войны установили особую ответственность «за распространение ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения».

Представляет интерес письмо из главка, направленное В. Н. Макаровым директору Кондо-Сосьвинского заповедника Я. Ф. Самарину в июле 1942 г.: «Главное управление указывает Вам, что никто не давал Вам права самовольно нарушать установленный правительством режим заповедности и никто не освобождал Вас от обязанности вести последовательную решительную борьбу с нарушителями заповедного режима, незави-

симо от служебного положения их в области. Главное управление предупреждает Вас, что Вы, как директор заповедника, несете не только административную, но и судебную ответственность за сохранение доверенных Вам государством природных ценностей». Возможно, что именно поступившие к Макарову сведения о браконьерстве в заповеднике послужили причиной смещения Самарина и замены его в 1946 г. Б. Н. Зубковым.

Браконьерство, конечно, имело место во всех таежных заповедниках, но наиболее проявлялось там, где были крепки охотничьи традиции аборигенов или русских старообрядцев (кержаков), то есть на Алтае, в Саянах и особенно на юге Дальнего Востока, где еще не были забыты бандиты-хунхузы и скупщики пушнины. Именно с этим по официальным данным связана гибель выдающегося натуралиста-зоолога Льва Георгиевича Капланова, работавшего перед войной в Сихотэ-Алинском заповеднике и осенью 1941 г. назначенного директором Судзухинского (ныне Лозовского) заповедника. Удивительная и полная приключений жизнь этого замечательного человека описана в очерке А. Н. Формозова (1948 г.), в двух изданиях популярной книги А. Л. Малышева (1966, 1971, второе издание с послесловием В. Г. Гептнера). Недавно опубликованы письма Льва Георгиевича в посвященном ему выпуске Бюллетеня МОИП.

Возвращаемся к деятельности Главного управления по заповедникам в годы войны. На заседании научно-методического бюро главка в октябре 1942 г. кроме нескольких постоянных членов Научного совета присутствовали другие ученые, остававшиеся тогда в Москве, — Б. М. Житков, С. П. Наумов, Е. М. Лавренко, П. А. Петряев. Именно тогда было решено вменить в обязанность всем заповедникам ведение «Летописи природы» по единой форме, составление которой было поручено С. П. Преображенскому. Его доклад «Летописи природы госзаповедников» был заслушан на заседании методбюро 11 июня 1943 г., при этом Макаров заметил, что «Летописи природы» ведутся с 1937 г., а Формозов добавил, что они были начаты в Астраханском заповеднике по его инициативе. Порядок обязательного предоставления «Летописей» фактически был введен только в 1945 г., причем впервые «Летописи» составлялись за все годы с начала деятельности заповедника.

Много внимания уделялось в главке восстановлению заповедного режима и борьбе с развившимся браконьерством. Макаров вел долгую переписку с НКВД, чтобы обеспечить службу охраны нарезным оружием (карабинами), тогда как «органы» настаивали на использовании лишь дробового. Помимо Капланова, указывалось в официальных обращениях, в июле 1942 г. погиб старший наблюдатель Ильменского заповедника, а в августе 1942 г. были убиты два наблюдателя Алтайского заповедника (не станем уточнять деталей,

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

отчасти связанных с известным ныне семейством староверов Лыковых, — убит был брат Карпа Лыкова, числившийся в охране заповедника, причем своими же сослуживцами). «В Баргузинском заповеднике, — указывается в письме, — шайка дезертиров терроризировала поселок и дважды ограбила кладовую. В Печоро-Ильчском заповеднике нередки встречи с бежавшими из лагерей заключенными, задержание которых невозможно без оружия».

Начальник Главного управления милиции НКВД Галкин распорядился составить и согласовать список заповедников «отдаленных районов», где можно разрешить использование карабинов, в остальных же разрешили только дробовики. Пистолеты были сочтены «нецелесообразными». Долго длилась эта переписка, пока СНК за подписью Косыгина распорядился все же отпустить наши или трофейные карабины по заявке Главного управления заповедников.

В конце войны усилилось давление на хозяйственное пользование в заповедниках. В Ильменском заповеднике была разрешена добыча ильмено-рутиловой руды с постройкой на его территории «сооружений временного типа» и прокладкой дороги для вывозки ископаемых. В Кавказском заповеднике Постановлением Совнаркома Союза (за подписью Молотова) разрешили заготовку 200 тыс. куб. м деловой древесины для восстановления народного хозяйства Краснодарского края, а затем и выборочную рубку пихты «для авиадревесины». Усилились рубки в Куйбышевском заповеднике и «Тульских засеках». Тернейскому леспромхозу закрепили сырьевую базу в охранной зоне Сихотэ-Алинского заповедника.

Победный 1945 год для заповедной системы был отмечен организацией двух заповедников — Московского и Дарвинского.

В середине 1945 г. была завершена работа госкомиссии по определению ущерба, причиненного системе заповедников за весь период войны. Общий ущерб всех двенадцати заповедников, пострадавших от военных действий, был определен суммой около 34 млн. руб. Здесь не учтен ущерб от воинского призыва работников системы, воспроизводства животных и прекращения подсобного хозяйства. Но самый страшный урон заключался в том, что в послевоенный период деятельность Главного управления по заповедникам покатила под уклон, навстречу своему краху.

От редакции

Когда этот номер журнала уже был готов к печати, мы получили информацию о том, что вышел сборник «Заповедники в Великую Отечественную войну (1941–1945)»: Сб. материалов / Отв. ред. А. А. Власов. — Курск, 2005

ЖИЛ ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК ...

Страницы этого номера журнала проиллюстрированы рисунками зоолога и художницы Ирины Адольфовны Филус. Ирина Филус родилась в Иркутске в 1953 г. Она окончила охотоведческий факультет Иркутского сельскохозяйственного института и с 1978 г. бессменно работала в Алтайском заповеднике.

Основными объектами изучения Ирины Адольфовны были экология и этология копытных (лося, марала, алтайского горного барана-аргали, северного оленя) — их взаимоотношения с хищниками, питание, поведение, динамика численности и т. д. Ириной Филус впервые было доказано и изучено обитание в зимний период в аридных высокогорьях южной, наиболее отдаленной части заповедника (бассейн реки Богояш) аргали, маралов, косуль, описан уникальный случай удачной охоты снежного барса на очень крупного марала-самца, составлен список растений, поедаемых аргали в зимний и летний периоды. Очень ценные наблюдения сделаны ею за поведением лося, марала, волка, медведя на солонцах.

Собрать такой материал можно было только в «поле» — в экспедициях по Алтайскому заповеднику. И маршруты этих экспедиций зачастую были, мягко говоря, не из легких — форсирование многочисленных рек с ледяной водой, «карабканье» по крутым склонам с тяжелыми рюкзаками, тропление по зимнему многоснежью на камусных лыжах. Ирина Адольфовна стойко переносила все тяготы полевых работ в очень сложных условиях.

По результатам своих исследований И. А. Филус опубликовала более 20 статей, но не стремилась к степеням и званиям. Успешно пройдя обучение в аспирантуре, она как-то все откладывала защиту диссертации, а там за полевыми и «другими ценностными установками» так и не собралась.

Ирина Адольфовна — человек не конфликтный, но в вопросах, когда требовалось отстаивать заповедные принципы, вместе с другими научными сотрудниками заповедника твердо и последовательно выступала против периодически возникавшего «зуда» (в том числе и у дирекции заповедника) «причесывать», улучшать и подправлять природу. А таких попыток было много: например, идея создания так называемых «кедросадов» на берегах Телецкого озера вместо сложных многопородных лесов, регулирование численности волка (в значительной мере благодаря высокой численности волка Алтайский заповедник является одним из немногих заповедников России, где в природной пирамиде растительность — копытные — хищники поддерживаются естественные процессы, не требующие вмешательства человека), «регулирование» численности соболя (бытовало расхожее мнение, что «все равно он гибнет от болезней» на верхнем пике численности), зарыбление естественно безрыбных заповедных озер (так как на реках сформировались высокие водопады, из-за которых рыба «не проходит»), строительство турбазы на особо ценной заповедной территории и т. д.

В последнее десятилетие И. А. Филус занимала должность заведующей музейными коллекциями и сборами и занималась в основном эколого-просветительской работой.

Не зря говорят, что талантливый человек талантлив во всем. Ирина Адольфовна была «от природы» замечательным художником. Ей очень удавались и резьба по дереву, и рисунки животных и растений тушью и акварелью. Мечтой Ирины Адольфовны было создание экспозиции деревянных скульптур животных, обитающих на Алтае, для филиала музея заповедника в поселке Яйлю. На эту мысль ее навело посещение визит-центра в финском городе Кухма. Там ее поразило то, что рассказать и показать красоту родной природы можно без использования чучел животных.

К сожалению, многим мечтам Ирины Адольфовны Филус не суждено было сбыться — она ушла из жизни 2 февраля 2005 г. Но с нами остались воспоминания о ней, ее научные работы, стихи и тонкие, поэтичные художественные работы. Они оживляли разделы «Летописи природы» Алтайского заповедника, сборники научных трудов, с ними знакомы читатели американского журнала «Russian Conservation News» в разных странах мира, а теперь с ними имеют возможность познакомиться и читатели журнала «Охрана дикой природы».

*Н. А. Малешин, Н. И. Золотухин, И. Б. Золотухина,
Т. Д. Филатова*

ТАЙГА ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ И ЗВЕРЕЙ

В 2003—2004 гг. экспедиция, в составе которой были учителя и учащиеся Московской государственной Пятидесят седьмой школы, сотрудники заповедника «Хакасский», учителя из города Абаза и школьники из города Абакана, работала недалеко от границ участка «Малый Абакан» заповедника «Хакасский». В результате этого сотрудничества от кордона «Тарташ» к одной из вершин хребта Шаман пролегла экологическая тропа, на базе которой были разработаны программа экологической практики для школьников 8—10 классов и комплект учебных пособий, включающих рабочую тетрадь для школьника/экотура, методические материалы для учителя/экскурсовода (О. О. Липаткина и др. Экологическая тропа «Большая Шаманская», Москва, 2005) с приложением на компакт-диске и замечательная книга по экологии кедровой тайги (Тайга глазами зверей и детей/ под общей редакцией Н. Ф. Штильмарк, М., «Р. Валент», 2005), в основу которой легли тексты, написанные ребятами — участниками экспедиций. Об этих экспедициях и истории создания книги рассказывает Наталья Феликсовна Штильмарк.

Что за странная мысль — судить кедр? Почему так бессистемно выбраны свидетели? Что за нелепая книжка?

Таежный суд — идея не литературная, а методическая. Она появилась во время организации полевой практики школьников. А мысль издать написанные детьми тексты о жизни таежных растений и животных с комментариями учителя экологии пришла гораздо позже.

Школьники — авторы книги — ездили на практику с пятого класса, за это время многое узнали и поняли. Планировалась последняя поездка. Каждый учитель перед расставанием с ребятами хочет показать им то, что он сам больше всего любит. И мы повезли их в Южную Сибирь, к цветущим жаркам, старым кедром и огромному коромыслу радуги над горной тайгой.

Столь дальние поездки требуют серьезной подготовки, и, как всегда, на помощь приходят старые друзья. Управление природных ресурсов Хакасии помогло в организации практики. Заповедник «Хакасский» согласился нас принять. Постепенно сложилась команда, в которую вошли ребята и взрослые из Москвы, Абакана и Абазы.

Ребята к тому времени уже хорошо понимали, что такое заповедник, они вжились в роль волонтеров — добровольных помощников. Выяснилось, что в заповеднике решили проложить на Шамане экологическую тропу и будут рады нашему участию.

Легко сказать — экологическая тропа. Мы хотели, чтобы тропа пригодилась заповеднику, а работа заинтересовала ребят и в то же время стала полевой практикой, ведь все наши поездки были в первую очередь учебными. Помогли любимые с детства книжки — «КОАПП» М. Константиновского, «Лесная газета» В. Бианки, «Жалобная книга природы» Б. Дижур. Пусть каждый, кто пройдет по тропе, взглянет на тайгу изнутри. Пусть говорят са-

ми жители тайги! А чтобы тропа была экологической, пусть лесные «все-все-все» в полном соответствии с первым законом Барри Коммонера ищут и находят точки соприкосновения всего со всем. В центр нужно было поставить патриарха, символ тайги, символ Сибири — кедр. Так в результате учебной практики и появились пьесы, в том числе суд над кедром, в которых героями стали самые заметные обитатели леса. А ребята попробовали войти в роли таежных жителей — зверей, птиц, даже растений и грибов.

Выбор персонажей связан отчасти и с тем, какую литературу удалось найти. Но главным было то, что школьники сами выбирали героев — кто-то по интересам, а кто-то по особенностям характера.

В 2003 г. мы работали на Шамане две недели. Московские и хакасские ребята мгновенно подружились, работа закипела. Ребята ходили по тайге с зоологами и ботаниками, читали биологическую литературу и снова ходили, наблюдали и слушали. Задавали бесконечные вопросы и пытались представить себе своих персонажей. Постепенно стали вырисовываться отдельные образы. Тайга заговорила детскими голосами.

Однако времени не хватило, тропа осталась недоделанной. Тексты ребят почти без изменений вошли в книжку, которая была предназначена для учителей Хакасии и мгновенно разошлась в Алтае-Саянском регионе: потребность в методических изданиях была очевидной. А когда мы сами осенью перечитали написанный ребятами «таежный суд», нам стало жаль бросать начатую работу. В текстах было то, что всегда привлекает в любом творении, — любовь, с которой оно сделано. Методика, казавшаяся поначалу несерьезной, работала. В таком случае, может быть, наш опыт нужно расширить, чтобы он пригодился другим учителям?

Через год благодаря финансовой поддержке Посольства Королевства Нидерландов в России у нас по-

явилась возможность продолжить работу на Шамане, а также издать наши странные труды в виде отдельной книги. Большинство ребят к тому времени учились в 11-м классе и проходили экологию. Напомнила о себе вечная проблема абстрактности экологических понятий для городских детей. Не дополнить ли детские пьесы комментарием учителя экологии?

В 2004 г. мы снова приехали на Шаман. Многие ребята уже стали студентами и отправились в экспедицию через несколько дней после вступительных экзаменов. К нам присоединились зоологи заповедника и будущий автор комментариев. Работа велась по трем направлениям.

Первое — сама тропа, маршрут. Он прошел от кордона до одной из вершин Шамана, через тайгу, подгольцовые луга и горные тундры. Горную часть маршрута мы снабдили ориентирами — каменными стрелками и пирамидами. Первыми «тропопроходцами» стали сотрудники отдела экопросвещения заповедника.

Второе — описание маршрута и программа полевой практики для региональных школ. Программа рассчитана на пять дней, один из которых целиком посвящен маршруту. Перед тем как выйти на маршрут, учитель, по нашему замыслу, проводит занятия на кордоне, знакомит ребят с таежной флорой и фауной, объясняет правила поведения в лесу и техники безопасности. В последний день проводится конкурс. Вместе с сотрудниками заповедника «Хакасский» и Управления природных ресурсов Хакасии мы составили методическое пособие в помощь инструктору-экскурсоводу, а также рабочую тетрадку для школьника-эко туриста. Оба издания публикуются одновременно с этой книгой.

Третье направление — сама книга по экологии. В 2004 г. ребята в дополнение к прежним писали новые тексты — выдержки из таежной газеты. Все неплохо получалось и казалось вполне понятным.

Однако дальнейшая работа над книгой заняла гораздо больше времени, чем было запланировано. Мнения расходились полярно.

Ботаники и зоологи, которым мы показывали наши писания, были шокированы. Почему латинские названия растений в тексте Медведя не дать в сносках? Почему лесное разнотравье вы называете таежным высокоотравьем? И что за странный стиль, в котором написан комментарий? Что за сумятица? Мы смутились. Как найти тот уровень упрощения, который объединит доступность, увлекательность и научную корректность? Как можно вынести латынь в сноски, если так говорит Медведь? Как объяснить, что слово «высокоотравье» более выразительно и что комментарии похожи на реальный урок, где на смену термину приходит образ, нарушая строгость осторожных научных фраз?

Была и противоположная точка зрения: зачем вы портите детские работы, зачем ваш комментарий? Зачем редактировать и уточнять? Объяснить это было еще сложнее. Нам хотелось сделать тропу действительно экологической, провести экскурсию по сложнейшему театру природы, показать разнообразнейшие взаи-

мосвязи и взаимные приспособления организмов. А детские тексты, взятые в отдельности, превращали бы заповедник в полигон для игры. Но ведь игра для нас — только средство, а не самоцель. Средство показать, как трудно перекинуть мост от простого к сложному, как мало мы знаем о тайге, как нужны природе защитники и ученые, а вовсе не массовики-затейники.

Маршрут проложен далеко за пределами заповедного участка. Никогда мы не стали бы прокладывать такую тропу через его территорию. Имейте совесть — туда нельзя! Для школьной практики заповедник нужен вовсе не как территория (так будет, если леса будут истреблены везде, кроме заповедников), а как научный центр, как возможность общения с людьми, интересующимися и любящими природу, живущими в ней и наблюдающими ее.

Заповедники — места обитания не только животных и растений, но и ученых! Их тоже надо любить и беречь, надо напоминать им о том, как мы все друг другу нужны. Как много вопросов мы не успеваем или не догадываемся задать. Пусть помогут «почемучки» — дети. А познакомит детей с учеными школьный учитель. Он и сам многому в заповеднике научится.

Предлагаемая вашему вниманию книга — не справочник и не учебник. И хотя биологические сведения тщательно выверены, главная функция нашей книги — методическая. Она сделана школьниками для школьников и является частью большой совместной работы по созданию и оформлению экологической тропы. Да, приводимые в ней сведения не всегда полны, а язык не всегда точен. Но книга наша — результат компромисса между детьми и взрослыми, между учителем и учеником, между заповедником и живущими рядом людьми, между наукой и школой. Чем больше мнений мы слышали, тем труднее, но интереснее становилась наша работа.

Позволим себе процитировать Александра фон Гумбольдта, который в предисловии к первому изданию «Картин природы» писал: «...труд мой полон недостатков, которые мне легче признать, чем испрavitь». И опубликуем нашу книгу со всеми ее изъянами.

Н. Ф. Штильмарк

Заявки на получение комплекта учебных пособий можно присылать по адресам:

111398, г. Москва, до востребования, Штильмарк Н. Ф.;

655016, г. Абакан, до востребования, Липаткиной О. О.

E-mail: shaman_tropa@mail.ru

Г. Александров, И. Зайцева, К. Кобяков. Редкие растения Мурманской области. — Апатиты, 2004. — 162 с.

В декабре 2004 г. в Областной научной библиотеке города Мурманска состоялась презентация книги «Редкие растения Мурманской области», выпущенной Кольским центром охраны дикой природы. Авторы этого издания — Геннадий Александров, Ирина Зайцева, Константин Кобяков — работали над этой книгой более четырех лет, собрав за это время уникальный материал, иллюстрирующий мир живой природы Мурманской области.

Мурманская область является единственным субъектом Российской Федерации, в котором в Положении о Красной книге прописан реальный механизм сохранения редких видов и мест их обитания. Новая книга вместе с Красной книгой Мурманской области может стать незаменимым помощником для тех, кто интересуется природой, чьи наблюдения и находки могут стать первым шагом к сохранению редкого или исчезающего вида. Авторы включили в книгу более 100 растений, определение которых возможно в полевых условиях даже неспециалистами. Это первое в Мурманской области издание о редких видах, существенную часть которого составляют красочные фотографии и рисунки, сопровождающиеся кратким описанием внешнего облика растений, их биологии, экологии, распространения, даны карты ареалов или точек находок. Во введении авторы постарались дать ответы на часто задаваемые вопросы: Почему растения бывают редкими? Зачем сохранять редкие растения и что им угрожает? Что такое Красная книга? В книге описаны места, где могут быть

встречены редкие виды, и рассказано, что нужно делать (и чего нельзя делать!) в случае такой находки. В конце книги приводится полный список сосудистых растений, подлежащих охране на территории Мурманской области.

Книга предназначена для широкого круга читателей — работников лесного хозяйства, членов общественных экологических объединений, учителей, школьников, студентов и многих других.

Книга «Редкие растения Мурманской области» бесплатно распространяется по лесхозам, библиотекам области, общественным экологическим организациям и школам. А те, кому книга необходима для работы, могут получить ее в офисе Кольского центра дикой природы.

И. А. Шанцер. РАСТЕНИЯ СРЕДНЕЙ ПОЛОСЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ. ПОЛЕВОЙ АТЛАС. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2004. 423 с.: илл. 690

Данная книга предназначена для определения растений, произрастающих в центральной части Европейской России. Атлас охватывает территорию нечерноземной (Тверская, Ярославская, Ивановская, Нижегородская, Рязанская, Владимирская, Московская, Калужская, Смоленская области), севера черноземной полосы (Брянская, Орловская, Тульская, Липецкая, Воронежская, Белгородская, Курская области). Всего в книге описано 679 видов дикорастущих сосудистых растений, что составляет более трети видового разнообразия этой территории и включает большинство наиболее обычно встречающихся, а также целый ряд редких и нуждающихся в охране видов.

В атлас включено 690 цветных фотографий, сделанных автором в природе во время полевых экспедиций. Для максимального облегчения определения фотографии всех включенных в атлас растений сгруппированы по простейшему принципу — в соответствии с окраской цветка.

Книга адресована самому широкому кругу пользователей, в первую очередь тем, кто не имеет специальной ботанической подготовки: географам, краеведам, экологам, преподавателям вузов и школ, студентам, школьникам и всем любителям природы.

ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

«ОТЧЕТ О ПРОЖИТОМ» — МЕМУАРЫ Ф. Р. ШТИЛЬМАРКА

Представители нескольких российских и международных природоохранных организаций, убежденные в необходимости сохранения и развития идейного наследия Феликса Робертовича Штильмарка, приняли решение об учреждении Фонда имени Ф. Р. Штильмарка — современного классика отечественного заповедного дела. Предполагается, что в своей работе Фонд будет опираться на организационную поддержку Центра охраны дикой природы.

Среди основных задач Фонда:

- Издание собрания трудов Ф. Р. Штильмарка;
- Организация и поддержка Премии имени Ф. Р. Штильмарка за продолжение «летописи заповедного дела» — лучшие публикации, посвященные истории, людям и природе охраняемых природных территорий России*;
- Создание архива «История российского заповедного дела» на базе личного архива Ф. Р. Штильмарка.

По общему убеждению учредителей Фонда, первоочередным делом может стать публикация последней книги Ф. Р. Штильмарка — мемуаров «Отчет о прожитом (записки эколога-охотоведа)» (ее объем превышает 30 печатных листов). Инициативная группа надеется, что издание книги будет осуществлено главным образом благодаря пожертвованиям людей, вдохновленных идеями Феликса Робертовича и желающих содействовать их распространению и развитию.

Средства на издание «Отчета о прожитом» могут быть перечислены на счет:

Благотворительный фонд «Центр охраны дикой природы»

ИНН 7713036362

р/с 40703810400000000037 в АК «Промторгбанк»

БИК 044583139

к/с 3010181080000000139

В наименовании платежа просьба указать: Пожертвование на книгу «Отчет о прожитом».

С уважением и благодарностью,
Алексей Зименко (генеральный директор Центра охраны дикой природы)
Наталья Штильмарк (координатор Фонда имени Ф. Р. Штильмарка)

Дополнительная информация:

электронная почта: shtilmark@biodiversity.ru

тел.: (095) 124-50-22 (ЦОДП), (095) 309-54-90 (Наталья Штильмарк)

адрес: 117312, Москва, ул. Вавилова, 41, офис 2

О КНИГЕ «ОТЧЕТ О ПРОЖИТОМ (ЗАПИСКИ ЭКОЛОГА-ОХОТОВОЕДА)»

Воспоминания охватывают период с 1944 по 2004 год. Автор книги предстает не только как зоолог, охотовед и проектировщик заповедников, но и как профессиональный таёжный охотник, а также журналист и литератор. На ее страницах читатель встретится со многими интересными людьми — знаменитыми учеными (академиком Н. И. Конрадом, проф. В. Г. Гептнером, Н. В. Тимофеевым-Ресовским, А. Н. Формозовым) и писателями (В. П. Астафьевым, И. А. Ефремовым, С. П. Залыгиным), работниками заповедников и различных отраслей природопользования, — с которыми сводила автора судьба.

Насыщенные фактами и наблюдениями воспоминания Ф. Р. Штильмарка — это, по сути, увлекательная повесть о новейшей отечественной истории охраны природы.

Книга иллюстрирована фотографиями из архива автора.

* Подробная информация о Премии имени Ф. Р. Штильмарка будет опубликована в следующем номере журнала.

НОВАЯ КАРТА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ

Весной 2005 г. опубликована карта «Заповедники, национальные парки и заказники федерального значения России», по полноте и точности информации не имеющая аналогов ни в печатной, ни в электронной форме.

Карта была разработана и подготовлена к печати специалистами ГИС-центра Международного Социально-экологического союза и Центра охраны дикой природы. Она наглядно представляет систему федеральных особо охраняемых природных территорий (ООПТ) РФ с границами и краткой информацией по каждой из них по состоянию на 2004 – начало 2005 г. На карте обозначено 100 государственных природных заповедников, 35 национальных парков и 69 государственных заказников федерального значения.

Новая карта основана на Картографической базе данных по ООПТ федерального значения России ((с) WRI, МСоЭС, ЦОДП, 2002–2005), созданной и продолжающей развитие в рамках проекта по картированию малонарушенных лесных территорий России. В качестве основы при проведении границ ООПТ использовались топографические карты масштаба 1:200 000 (за исключением немногих территорий, для которых использовались карты масштаба 1:500 000). Границы соответствуют последним официальным документам (положениям об ООПТ, постановлениям об изменениях границ) и отображены с максимально возможной в данном масштабе точностью (<http://oopt.info/gis/database.html>). Для ряда ООПТ предварительно была проведена специальная выверка границ и площадей.

На карте показаны рельеф, гидросеть, населенные пункты и границы федеральных округов (источник информации - ESRI). Атрибутивная информация о каждой конкретной ООПТ, представленная в виде таблицы, включает ее название, год создания, международный статус (территории Всемирного наследия, биосферные резерваты, водно-болотные угодья международного значения) и год его присвоения, число участков и субъект Федерации, на территории которого расположена ООПТ.

Для создания карты использовались разные источники информации:

- Официальная документация (описания границ, дополнительные схемы и иллюстрации) была предоставлена Министерством природных ресурсов РФ – централизованным источником информации о пространственном расположении ООПТ федерального уровня.
- Правовые базы данных, содержащие документы с указанием изменений площадей ООПТ за последние 10–15 лет, использовались для уточнения их границ.
- Данные, предоставленные сотрудниками ООПТ, использовались для снятия неопределенностей, вызванных неполнотой или противоречивостью в описании границ некоторых из них.
- Материалы предыдущих проектов ЦОДП и МСоЭС, включавшие картирование ООПТ (например: D. Aksenov et al. The Last of The Last: The Old-Growth Forests of Boreal Europe. 1999).
- Сводный список особо охраняемых природных территорий Российской Федерации (Д. М. Очагов и др., Москва, 2001) – список ООПТ России федерального, регионального и местного значения.

Новая карта дополняет разрабатываемый параллельно интернет-ресурс «ООПТ России» (<http://oopt.info>) и рекомендуется для использования в природоохранных, исследовательских и образовательных целях.

Масштаб карты 1:7 000 000 (в 1 см – 70 км). Составители: М. Ю. Дубинин, Р. В. Киселев, Т. О. Яницкая. Тираж 4 тыс. экз.

Карта подготовлена по заказу Департамента природопользования и охраны окружающей среды г. Москвы и при его поддержке.

Получить карту можно в офисах МСоЭС и ЦОДП. Тел. 963-5420, 124-5022, Дубинин Максим Юрьевич. E-mail: sim@biodiversity.ru

Дополнительная информация:

Подробнее о карте:

<http://oopt.info/gis/map05.html>

Информационно-справочная система «ООПТ России»:

<http://oopt.info>

Картографическая база данных по федеральным ООПТ:

<http://oopt.info/gis/database.html>